

Виктор Белых

ПО СЛЕДАМ
ХРИСТОВЫМ

ВОСПОМИНАНИЯ

К читателю

Четверть века я провел в тюрьмах, лагерях и ссылках, страдая за веру, за имя моего Господа Иисуса Христа, потому что исполняется Его слово: «Гнали Меня, будут гнать и вас». Я благодарю Господа, что эти невероятно трудные годы. Он дал мне милость устоять и остаться Ему верным.

Мои братья и сестры не раз просили меня рассказать о моей жизни. И я решил выполнить их просьбу — неизвестно сколько времени нам еще отпущено.

То, что у меня получилось, скорее похоже на хронику, чем на повесть. Но если описывать все в подробностях — получится толстая книга. А сейчас не время для этого. Христос скоро придет и нам надо к этому готовиться, укрепиться надеждой на Господа, полностью отдать Ему свои сердца и свою жизнь и молиться, чтобы в любых обстоятельствах быть серными Ему-

С такой целью писал, это было у меня на сердце и да благословит Господь каждого, кто будет читать эти первые шаги и первые трудности.

Мне посчастливилось родиться в семье верующих. При царе мои родители жили в Екатеринославе (потом его переименовали в Днепропетровск), Там они уверовали в баптистской церкви. С детства я привык, что в доме молятся и читают Евангелие, а также гонения я тоже видел с детства. После гражданской войны, во время голода и разрухи, семья переехала в Полтавскую область, город Чолотоношу. Там я родился 6 апреля 1925 года. У меня были две тётки, мамыны сестры — Дуня и Марина. Они жили вместе, вели хозяйство, держали скот, а также имели небольшое поле. Тётя Дуня уверовала девушкой в 1910 году. Мать привязывала её за косы к кровати, чтобы не ходила на собрание. Православные гнали баптистов, даже не давали хоронить на кладбище.

Баптистских проповедников арестовывали и сажали в тюрьмы. Один из них, по фамилии Зиновьев, жил в деревне Дробово, Полтавской области, откуда родом моя мама и ее сестры- Однажды тетя Дуня взяла меня с собой в соседнюю деревню, навестить жену брата, который был в узах, С раннего детства я понимал, что это значит — быть в узах и с большим благоговением смотрел на жену узника.

Марина рано осталась вдовой, детей у нее не было, и они с тёткой Дуней прожили вместе пятьдесят лет, Я часто затем бывал у своих тётушек, они любили меня, рассказывали мне о Господе и еще я запомнил — поили молочком.

А потом наступил НЭП. Жить стало легче и верующих на какое-то время перестали преследовать,

Брат Иван Джюра вместе с Дуней и Мариной арендовали помещение для собраний. Написали плакат: «Веруйте в Евангелие», ходили с ним по городу, приглашая людей на собрание. Через некоторое время образовалась церковь Евангельских христиан баптистов. Позже мой отец был диаконом и регентом этой церкви.

В 1934 году в нашу церковь пришел брат Турбин — пенсионер, он приехал из Николаевской области. Он был исполнен Духа Святого и сказал баптистам: «Без освящения словом и Духом Святым вы не церковь». Объяснил, что значит освящение. Народ начал каяться, исповедоваться, проводили время в постах и молитвах. Сначала исповедывались друг перед другом, открывали грехи, а он сказал: «Исповедуйтесь только в моём присутствии». Церковь разделилась во мнениях — одни приняли, другие не приняли, А он — объяснил по слову, действительно написано «признавайтесь друг перед другом в проступках ваших и молитесь друг за друга». Когда мы так поступаем, в народе возрастает любовь, доверие друг ко другу, а перед служителем исповедоваться все равно надо, потому что он поможет вскрыть корни греха и даст наставление, как с ним бороться,

Постепенно в церкви настал мир. Люди ревновали о Духе Святом, молились, постились. И Дух Святой посетил восемь членов церкви, в их числе были мой отец и мать. Моя мать пела в хоре. Один раз она вывихнула ногу и не могла ходить, а надо было идти в деревню на собрание. Брат Турбин помолвился, она встала и пошла. Он много молился и постился, иногда ночи проводил в молитве. Однажды он ночевал в одной семье, спать не ложился, молился всю ночь, а наутро говорит:

«Господь мне открыл: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Сестра, в доме которой он ночевал, подумала: «Стоило ли всю ночь не спать, я это и так знаю». А когда он объяснил ей, что это значит для каждого из нас, — она сказала: «Стоило». Однажды он пришел в нашу семью во время молитвы, когда все стояли на коленях. Он сказал: «Дети, молитесь». Мы стали плакать и я ощутил присутствие Духа Святого, и после этого всегда молился Господу, видел духовные сновидения.

Вскоре арестовали брата Турбина и расстреляли как врага народа без суда и следствия. В Черкассах тоже верующих постигли сильные гонения, собраний не было, встречались по несколько человек, ходя друг к другу в гости.

У меня были сестра и брат, мы учились в школе. До седьмого класса я учился хорошо- Брат и сестра ходили в школу во вторую смену, а я в первую. Увлекался я игрой в домино.

Однажды брат с сестрой играли в домино на русской печке, и вдруг домино полетело вниз на пол. Они собрали его и снова положили на печку. Закрыли глаза, и оно вновь полетело, а потом полетела сковорода, лампа и другие предметы. Они выбежали во двор. Мать в это время пришла с базара, собрались люди, вошли в дом. И все видели, что кто-то кидает различные предметы, а кто — не видно. Приехали пожарные, НКВД, искали на чердаке, ничего не нашли и уехали. Часам к трем все утихло.

Я пришел из школы, мать мне все рассказала. Отец был на работе, На другой день отец не пошел на работу, а я в школу. Часов в десять утра пьем чай и вдруг полетело: шетка, капуста, картошка. Сестру ударило капустой по ноге, картошкой — по голове. Приехало НКВД, собралась толпа народа. Отца арестовали, приставили к груди оружие:

«Что ты сделал?» А что он мог сказать? Так продолжалось и на следующий день, — вновь НКВД и толпа народа. И тут верующие опомнились и совершили молитву.

В сновидений отцу явился сатана, сидит в печке, в огне, и говорит:

«А что, напугал?» Спасло нас от выселения то, что отец не был кулак, он работал на железной дороге, а мы хорошо

учились в школе. Мать вызывали в НКВД и требовали, чтобы она сказала, что все это подстроили кулаки, чтобы сорвать предстоящие выборы. Но мать отказалась.

Так в детстве я узнал силу Божию и силу дьявольскую.

Юность

Собраний не было. Все остыли, охладели. Мы, дети, жили школой и тем, что там преподавали. Хорошо учились, примерно вели себя. Окончил девять классов. И тут началась война. Когда немцы были у Днепра, меня вызвали во фронтовую разведку. Сказали, что нужно идти через Днепр. «Не говорите родным, оставьте документы». Дали задание, напутствие и я пошел к Днепру, где стояла замаскированная военная флотилия. Нас было двое из нашей школы. Ночью бомбили село за Днепром и нас рыбаки на лодке повезли на другой берег к немцам, чтобы выяснить всё по заданной программе и вернуться назад. Дали пароль для рыбаков-бакенщиков.

Недалеко от берега мы вышли из лодки. Глубина выше груди, а мы в одежде. Хорошо, что лето. вода теплая. Напарник стал плакать, а я говорю ему: «Война, что ты плачешь?» Укрылись в кустах и до утра подремали. Утром подсушились на солнце и пошли, как нам сказали, на дорогу, ведущую в село Свидивок, Черкасской области.

Слышен шум машины, говор немцев. Идем по высокой траве. Вдруг видим шалаш из лозы, к нему два немца идут. разговаривают, а нас не замечают. Мы упали в траву. Немцы зашли в шалаш. Мы бегом на дорогу. Идем. Встретили немецкий пост — солдат с автоматом. У нас был хлеб и масло. Он дал нам немного поесть — не отравлено ли, а остальное забрал себе и повел нас в штаб. Видим, немецкие солдаты в трусах морковку по огородам ищут. Это передовая, а на том берегу; военная флотилия. Завел меня какой-то немец в сарай, показывает в угол. Стал лицом к нему, думаю: «Стрелять будет». Он начал кричать — я повернулся спиной. Оказалось, что на перекладине лежит седло, и он требует, чтобы я его почистил. Другой немец протягивает мне в солдатской тюбегейке зеленые помидоры. Хочу взять один, но он бьет меня по руке. Оказывается, я должен подержать, пока он на лошадь вскочит. Вижу мой напарник уже был в штабе. Меня ведут в штаб, майор сидит в халате, рядом переводчик, спрашивает по-украински. Отвечаю на вопросы: «Идем из Белой Церкви, из детдома к тетке в Дубневку». «Мы проверим, есть ли там ваша тетка, а то попадет тебе и моему товарищу. Теперь мы не можем пустить вас в Дубневку: это отсюда десять километров лесом и там партизаны. Будете работать в части на кухне». И мы работали, чистили картошку, прятались от своих снарядов. Три дня были на свободе, а потом нас посадили заложниками. В любое время мы могли быть расстреляны, если партизаны убьют немца. Один раз так случилось, но переводчик сказал, что майор пожалел нас по молодости. Видно, Господь хотел меня сберечь.

Однажды рано утром посмотрел в окно, вижу стоят двое молодых парней в белье около ямы, плачут, умоляют... Это были молодые разведчики, такие, как и я, видно, попались на деле. Когда дал залп, я упал на колени и призвал имя Господне, просил сохранить, привести к отцу и матери, которые не знали, где я нахожусь.

С немецкой частью мы попали в Дубневку, помогал по песку лошадям тащить амуницию, а про тетку, что я говорил, они, наверное, забыли, потому что обстановка была очень горячая, и нам удалось убежать.

Вышли по паролю на рыбаков, но они не имели возможности переправить нас на ту сторону фронта. Пошли в Черкассы, узнали, что на Золотоноше кончается окружение. Пошли в село молотить хлеб у одной бабки и, узнав, что Золотоноша взята немцами, вернулся домой к радости родителей, они уже думали, что я пропал без вести.

Верующие баптисты собирались по домам. Немцы не препятствовали. Однажды в нашем доме было собрание, и мать говорила, чтобы я остался на собрание. А я ходил от калитки до дверей, думал — остаться, не остаться. И остался. Навсегда. Молодежи не было. Я мучался целый год. хотел трудиться. Был как бы в тисках. Измученный, однажды встал на колени, стал каяться и молиться, чтобы Господь освободил меня от мучений. И, слава Богу, я был услышан и получил освобождение. Вскоре стал свидетельствовать. У нас организовалась группа молодежи — мы собирались, пели, играли на гитаре. И это все было в оккупации.

В селе Пидеставки. километров двадцать пять от Золотоноши, за-же[ся огонь пятидесятницы, потом перекинулся в другие села. Двоих из наших баптистов там Господь крестил Духом Святым. В среде баптистов началось брожение. Я сказал пресвитеру, что хочу пойти в церковь пнидесея гннков и посмотреть. Он не советовал мне. но я запретил. Я потел в село Могины. где пресвитером был брат Юрий. рукоположенный Воропаевым. Первое впечатление: поют и играют как мы, а молятся не как мы. Дали мне наставление читать от Луы 11 главу, сти/н 10-13. Я прочитал, что Отец не даст камень, скорпиона, или змею, как говорили баптисты, а даст Духа Святого. Возвратившись домой, я месяц молился, просил Духа Святого с великою жаждою и получил. Это было в 1943 году. Исполнился Духом Святым с пением, пророчеством и иными языками. Прижимал Библию к сердцу, и не знал конца радости. Бог вселился по слову Своему в мое сердце, а вокруг говорят: «Бога нет». Водное крещение принял у баптистов в том же году.

Через некоторое время огонь перекинулся в Золотоношу. Однажды немцы окружили наш город с автоматчиками. У нас было около трехсот членов церкви. Отобрали трудоспособных и поместили в местную школу. При молитве школу потрясло землетрясением, полицаи бросили оружие — кричат: «Давайте нам Евангелие». А немцы погрузили всю церковь в вагон и отправили в Германию. После этого в Золотоноше образовалась церковь христиан веры евангельской. Епископы Понурко и Бут, рукоположенные Воропаевым, организовали Союз церквей христиан веры Евангельской и церковь Золотоноши вошла в этот союз. Наши соседи, староста (православный) и вся его родня покаяться, повыбрасывали из домов ажурные иконостасы и стали членами церкви. Уверовали мои соученики по школе Юра и Алексей. Юра пришел однажды ко мне и стал играть на гитаре. Говорю ему: «Я поставил новые струны, а они должны славить только Господа», «Так ты верующий? А я ищу Господа и истины». Он пошел со мной в собрание, и скоро вошел в нашу церковь. А Алексей остался у баптистов.

Однажды вижу сон; стихии бушуют вокруг горы, а на горе дом спасения. Говорю людям: «Идите, спасайтесь — скоро двери закроются». А они отвечают: «Да, такое бывало и прежде» и не торопятся. Потом вижу — двери закрылись. Внутри дома спасения — церковь в образе женщины в духе. Толпа людей у дверей дома спасения и церковь производит суд. Люди рвутся в двери, а церковь спрашивает каждого:

«служил ли ты Господу?» Один кричит: «Я служил Господу!» Ну, если служил, скажи хоть «Отче наш». Отвечает: «Я спросонья забыл». И церковь в двери его не пускает. С другой стороны дома стоят верующие и стирают руки к церкви: «Спаси нас!» В этой толпе я вижу Алексея, он стирает руки, а в руках пакет. Церковь взяла у Алексея пакет и дала мне его, не читая. Раскрыл, а там документально доказывается: он покался в противлении Духу Святому за два дня до того, как закрылись двери. Церковь меня спрашивает: «Что. он покался за два дня раньше?» Я в слезах радости, что она его пропустит в двери дома спасения.

...Фронт приближался к Золотоноше. Немцы, отступая, жгли здания фабрик, заводов, дома, убивали жителей.

Господь сказал: «Вас и всё ваше я сохраню». Мы вышли в лес. за город. Город горел как свеча, обьятый пламенем и дымом. Немцы в панике, но с боями, отступили за Днепр, Мы вернулись в наши дома, которые остались целы.

Пришла вновь советская власть. Рожденных в 1924 году сразу отправляли на фронт, а тех, кто родился в 1925 году — на подготовку, эшелонам в Саратов. В церкви Дух Святой сказал: «Страдать будете, а жизнь сохраню». Я поехал вместе с Алексеем в Саратов.

В Саратове

Привезли. И сразу — комиссия. Меня направили в госпиталь на лечение. Диагноз — дакриоцистит — нет проходимости омы-вающе'1 жидкости от правого глаза в нос. С таким дефектом я родился, Война. Голод и холод, госпиталь, и... курорты. Но я молю Господа, чтобы из госпиталя не идти в санчасть. Слышу пророчество: «Я тебя избавлю». Молюсь неотступно. Месяц лечения результатов не дал, Врач выписала, завтра уходить в санчасть. Но моя вера говорит — этого не

может быть. Ночью открылась форточка и я, продрогнувши, вскочил и от сильного головокружения упал на постель. Врач пришла и говорит: «Симулируешь?» «Полежу до послеобеда и пойду» — отвечаю я. Она меня направляет к терапевту-Пульс сто пятьдесят- «Куда же ты его выписала?» — спрашивает. Начали лечить сердце. Еще месяц курортов, а потом на комиссию. Стою у дверей, молось- Захожу, а там профессор. Определил: расстройство сердечно-сосудистой системы, Статья — к армии непригоден. Через пересылку отправили меня на Саратовский подшипниковый завод. Поселили в общежитии. Работаю сапожником. Питание очень скудное, голодаю- Вспоминаю: «страдать будешь». Потом открылись курсы шоферов, и я пошел учиться. Доныне у меня права шофера 3-го класса, с 1943 года. Работаю на полutorке. часто в детском саду, там меня кормят. Поехали однажды за песком. Съехал с нагопанной дороги и застрял. Двое рабочих сидят на уступке капера; «Что за шофер, не ругается?» Копаньсь. Только получил права, стыдно идти в гараж за помощью. Молось: «Господи, помоги». Идет взвод солдат на стрельбище. Взяли на раз-два и подняли машину, поставили на твердую дорогу. Готов был их обнять, а Господа славлю.

Сидя в парикмахерской в ожидании свидетельствую тем, кто ропщет на тяжелую жизнь. Один меня поддерживает. Потом говорит: «Зайди ко мне домой», дал адрес. В воскресенье захожу. Баптисты.

Он — непутевый, а жена прилежная христианка. Говорит: «У нас корова, приходи на базар — молоко буду тебе давать». Но я в военной засаленной одежде, хоть и голодный, — не осмелился прийти за молоком. Иногда приходил к ним по воскресеньям. Потом работал *из* автобуса, возил в город на оформление шестнадцать заводских пассажиров. это по норме и до тридцати без нормы. Питаюсь, как положено в ИТР-овской столовой, не так голодаю. А потом перевели меня и других молодых шоферов возить дирекцию завода. Вожу семь запов, все они евреи, а прикреплен к главному инженеру. От завода город в двадцати километрах.

Девятого мая 1945 года кончилась война. Всенародное ликование. В семье знакомых баптистов узнаю, что уже есть собрание. Еду в командировку в город Вольск, по грунтовой дороге. Дорогу размыло от дождя. Помдиректора по снабжению грузит мою эмку (М-1) на пассажирский пароход, называемый «Спекулянт». Выгружаюсь своим ходом на товарной пристани. Там никого нет. только одна девочка лет девяти- Потом узнал, что НКВД заслали агента к верующим, четверых арестовали. а я в это время на машине приехал на собрание. Но девочка Нина, дочь капитана, крещенная Духом Святым, которая стояла на товарной пристани, узнала от отца, что машина с «Шарика» и предупредила меня. Теперь я часто бывал среди баптистов, там было несколько верующих, крещенных Духом Святым, Проповедую на Троицу о Духе Святом, Баптисты просят: «Молитесь, чтобы нас Господь крестил Духом Святым». Вскоре образовалась группа крещенных Духом Святым, С нами был Женя Кондраков из Енакиева, это город в Донбассе. Прилежный и мужественный христианин, потом я встречался с ним в его родном городе, он был там пастырем церкви. Уверовал Николай Егоров, который впоследствии тоже стал пастором церкви.

Пошел я в десятый класс вечерней школы. Уверовал Володя Богатырев, с которым я жил в общежитии. Мы с ним вместе учились. НКВД стало за мной следить. По их указанию меня несколько раз вызывал директор. Приглашали в комсомол, «А я верующий — можно?» Говорят: «нельзя». Рабочие прописаны, забронированы в войну за заводом, уехать нельзя. Учился хорошо, хотел получить золотую или серебряную медаль, чтобы без экзаменов в институт. Таких директор отпускал. Но я медали получить не смог. так как не было документов за 7-й класс.

Что делать? Встали с Володей на колени и начали молиться. Господь говорит: «Пиши заявление, иди к директору. Я тебя освобождаю». И действительно. Директор отпустил меня — хотел избавиться-потому что НКВД постоянно интересовалось мною. Он подписал заявление и меня уволили. Все удивлялись, потому что даже семейных не 01 постоянно.

Кончилась война. Стали ходить первые пассажирские поезда. На вокзалах толпы народа за билетами, по длинным спискам. Молось на вокзале: «Господи, много народа за билетами на поезда, но они у тебя не просят, я. наверное, один прошу». Дух святой говорит: «Бери вещи и приходи». Пришел на вокзал с друзьями. Билетов нет, разобрали по брони. Сел на чехомдан и жду. Посадка через два часа. Прошел час. Друзья говорят: «Сдадим чехомданы, а завтра приедем». А я все жду-. Подходит человек я говорю: «Вам нужен билет на Москву?» И я поехал поездом Саратов - Москва,

В Москве посетил центр евангельских христиан баптистов на Маловузовском переулке. Председатель Жидков вызвал меня, когда я стал беседовать с верующими о Духе Святом. Встретил Митю Джуру. сына пресвитера баптистов Золотоношской церкви. Он уверовал в Германии. Повез меня к баптистской молодежи в Одинцово. Когда мы молились, их всех посетил Дух Святой, они были в восторге и спрашивали:

«Что это такое?» Впоследствии Митя и вся молодежь были крещены Духом Святым.

Решил вернуться в дом отца и матери. Разруха, голод. Пошел на маслозавод устраиваться на работу. Директор предложил идти шофером: «Пиши заявление». Я не стал сразу писать заявление, вышел за ворота завода, молось: «Господи, здесь мое место работы?» А Господь мне отвечает: «Твоя работа с Библией в руках. Я пошлю тебя в другой край».

Неожиданно один старичок из баптистов предложил поехать сапожничать в Брест. Молось, Господь отвечает: «Я путь благословляю, но Сам управлю». И вот еду в Киев, в телячьем вагоне, вместе со старичком. Пересадка, Поезд Харьков-Киев забит, народ едет спасаться от голода на Западную Украину. Прицепились на ступеньки. Кондукторша говорит: «Когда проедем перрон, пузю в тамбур вагона». Поезд тронулся и мой старик сорвался. Молось: «Господи, останови поезд». Поезд встал. Теперь я взялся за два поручня, старика держу, чехомдан с колодками между ногами. Поезд тронулся, Я сорвался с колодками. Старик уехал. Что же мне делать? Молось. И Господь отвечает: «Ты не туда едешь. Вот идут люди, куда они, гуда езжай и ты». И я вспомнил, ведь Господь сказал, что Он Сам управит мой путь. Среди этих людей была мама Мити Джуры, она ехала на Западную Украину, где уже раньше жила. Товарным поездом доехали до Киева. В пути молось:

«Где старик?» Получаю ответ: «В Киеве». Искал, не нашел. Ехать мне надо в Новгород-Вольнск, а билет на Брест.

Пошел перерегистрировать билет, а кассир говорит: «У тебя на билете не поставлена станция прибытия, куда хочешь - туда и езжай». Написал: «Новгород-Вольнск», закомпостировал и мы поехали.

На Ровенщине

мамой Мити Джуры добрались до дома, где она жила. Откуда, по ¹ совету пресвитера, я пошел в ближайшую церковь в Подлиски. А до того, как я пришел, в церкви было сказано: «К вам придет юноша, примите». И они меня приняли. Неделю я проповедовал в церкви, а потом решил ехать домой, чтобы кто-нибудь не подумал, что я прячусь от голода.

Думаю: в субботу собрание, в воскресенье собрание, а потом поеду. Встает Гана, слепая, и говорит: «Что ты тут мыслишь? Я тебя послал на труд в мой народ». Я пал на колени.

В воскресенье в церковь Подлиски пришли два брата Михаил и Марк, ровенчане. В постах и молитвах они просили силы Духа Святого для подъема церковей, рассеянных во время войны. Господь услышал их молитвы и послал им силу и дары. Они получили дар откровения сердечных тайн, дар веры, исцеления больных, силу для изгнания бесов, Предложили церкви исповедание для освещения. Верующие заходили по одному в комнату, а потом выходили и молились, Я находился там, где молились. Господь многих раскаявшихся крестил Духом Святым.

Потом Господь открыл мне, чтобы я шел в церковь Харучи. Поехали вместе с Михаилом и Марком. В той церкви были баптисты, некоторые крещенные Духом Святым, Пресвитер говорит: «Если моей слепой жене даст Господь зрение, то я признаю, что с вами Господь». Стали молиться. Жена говорит: «Я вижу». «Расскажи, какими ты нас видишь». Рассказала и глаза закрылись, «Я вас не постыдил, но неверных не даю» — сказал Господь. Баптисты не хотели исповедоваться. Брат Михаил давал им записочки, где перечислялись грехи. Он дал записку и дочери пресвитера Оле, Она стала читать и как зарычит. Мы стали молиться, она упала. Спрашиваю бесов: «Сколько вас?» Отвечают: «Три» «Как ваше имя?» «Дух блуда». Три часа бес кричал: «Что вы, священники, меня мучаете?» Духом Святым мы повели ему выйти. Он вышел суриком и пеною. Она встала и говорит: «Жаба уш.ча с моей груди».

После этого мы пошли в церковь села Грушовка, Почти все в этом селе верующие. Несколько девушек сидели на

задней скамье, боясь своих православных родителей. Исповедовались по одному. Две сестры скрыли грехи и упали. Мы стали молиться, они поднялись и сознались. Комнате большая, народу много, все молятся. В этот день Господь крестил Духом Святым пятьдесят братьев и сестер. Тут было много детей, они бегали, а потом встали на колени, и их всех Господь крестил Духом Святым. Мы дали людям наставление к освящению, преподали причастие и пошли в церковь села Быстричи. Тот же труд освящения, исповедания. В одной молитве Господь крестил Духом Святым сорок человек. Во многих местах церкви собираются вместе, собрания длятся всю ночь.

Так мы с братом Михаилом и братом Марком прошли церкви в Сосновке, Митенине, Духовке, Ёерезне, Поленах, Немовичах, Вавши, Тынне, Зносичах и дошли до Сары.

Многие церкви на Ровенщине образовались от благоговествования брата Столярчука, исполненного Духом Святым, имевшего дар истолкования. Каждая церковь имела молитвенный дом — строили еще при Польше.

Наступила осень. Я одет легко. Хочу поехать домой одеться. Господь говорит через сосуд: «Я пошлю тебя в другой край и восполню твою нужду». И вот я в церкви села Полены, где жила семья брата Михаила. Это бедные земли Полесья. Там меня одели, обули. Там я видел видение; мы плывем живою рекою, радость великая. Потом вышли на берег, а впереди врата Нового Иерусалима. Нас встречает старик с большой белой бородой. Спрашивает: «А вы знаете путь превосходнейший?» Думаю: «Какой еще лучше путь, когда у нас столько радости в живой реке?» Старик говорит: «А вы помните, семьдесят учеников говорили от радости: «нам бесы повинуются», а где они? Помните, путь превосходнейший — это: сочетание даров Духа Святого с любовью».

Когда мы снова вернулись в свои церкви, то стали учить закону о любви, ибо мы видели, что несмотря на великую силу, которая там действовала, многого не доставало от того, что не были научены любви.

Братья Михаил и Марк вернулись домой на осенние семейные заботы, а я продолжал труд с епископом Мыкитой Коленником, Наш труд был похож на труд Ездры, когда народ вышел из Вавилонского плена: четверть дня читали закон, а четверть дня исповедовались. Я прочитывал перечень грехов из Писания, потом исповедовались по группам — братья, сестры, молодежь. Брат Мыкита со всей строгостью требовал покаяния. Если при тяжком грехе его не было, говорил мне: «Пиши, исклончить». Все в слезах покаялись, потом молились. Прошались с нами радостно. Так мы прошли церкви Кричильска, Малого и Большого Желуцка, Рафаловки. Тут встретили и пользовались уникальным даром малограмотной Параски из села Цепцевичи. Местами Писаний объяснялись нужды, открывались тайны сердечные.

Потом поехал в Киев, там познакомился с гонимой Киевской церковью и братом Иваном Левчуком, После Киева побывал в церкви Обухова- Впоследствии я часто навещал славную христианскую молодежь этой церкви. Она стала близкой моему сердцу своей любовью, ревностью и простотой, Я писал им позже, находясь в узах: «Я помню ту радость, блаженство общения исполненных Духом Святым горячих сердец».

Тучи советской регистрации нависли над церквями Ровенщины, которая еще раньше подавляла свободу совести на Востоке. Религия коммунизма это государственный атеизм, а человек — бог, кующий свою судьбу, а партия — «ум, честь и совесть нашей эпохи»,

Предлагаемые условия регистрации предусматривали одолеть церковь. Но ее и Нерон не одолел, она победила верою и терпением. Но на Ровенщине кончилась свобода. Церковь пошла в огонь испытаний, как и на Востоке. В годы войны верующим было послабление из-за Западных стран, с которыми вместе воевали против Германии. Тогда баптисты, евангелисты, православные — все были освобождены, никого не преследовали. Но наши братья Воронаев и Котлович из уз не вернулись.

В 1945 году, в августе, пригласили епископов ХВЕ на беседу о слиянии с Союзом евангельских христиан баптистов. Среди них были:

Бидаш и Пономарчук с Украины, Панько из Белоруссии. Вашкевич с Западной Украины. Баптисты делали это под давлением УГБ. дабы угасить огонь Духа Святого. Подписали так называемое августовское соглашение — признать крещение Духом Святым с языками и без языков, омовение ног не практиковать. Началось смятение и борьба на местах. Что сказать? Масло и вода взбалтываются, но не смешиваются. Кончилось взбалтывание и многие церкви вышли из объединения.

По этой причине весной 1947 года в городе Киеве собрались епископы, пресвитеры, благовестники. чтобы обсудить, как дальше быть. Присутствовали Бидаш, Бут, я и Левчук. Решили разъехаться по своим местам и спросить Господа.

Пойдете в узы защищать истину.

Вновь мы встретились в Киеве в том же году, через несколько месяцев, Все привезли волю Божию: «Пойдете в узы защищать истину». Вот одно из откровений во Львове, где я был: «Идем мы по дороге, оказываемся в узах. Там будут вас бить языками, как плетками. Потом колючая проволока, проволока разорвалась и победители на белых конях выехали на труд».

Получили также откровение: «Труд продолжайте». И мы продолжали труд в церквях среди гонений и преследований.

Решили собрать более представительное совещание служителей. В апреле 1948 года в городе Днепродзержинске собрались служители гонимой церкви ХВЕ. Выработали решение — с баптистами нам не по пути. Мы можем быть лишь отдельным союзом Христиан Веры Евангельской по нашему вероучению. Когда я ехал на совещание, то видел сон. Пшеница после зимнего застоя пошла в рост, вдруг ударил мороз. Я переживаю. Но вновь пригрело солнце и пшеница, невредимая, зазеленела.

Один из пресвитеров Киевской церкви был завербованный агент КГБ, и он, как Иуда со Христом, был с нами. Мы об этом узнали и перенесли прежде назначенное место встречи. КГБ шлёт ему из Киева телеграммы, но мы их перехватили и узнали, что нас ищут. Закончили наше совещание и разъехались. Началась погоня. Шестнадцать участников совещания, кроме предателя, были арестованы, кто в пути, кто дома, Я ночевал в Днепродзержинске, Наутро меня арестовали- Вот эти имена (я, к сожалению, помню не всех).

Епископы: Афанасий Бидаш из Пятихатки, Филипп Шокало из Кривого Рога, Ильчук с Западной Украины.

Пресвитеры: Миснора, Яшник из Днепродзержинска, Цыганюк из Череповца, Никитчук из Здолбуново Ровенской области.

Диаконы: Федор Яшник из Днепродзержинска, Чухрий из Чернобыльской области, Марин из России, сестра Мария из Днепродзержинска, Иван Левчук и я. Всего нас было шестнадцать.

Днепродзержинская тюрьма. Первое впечатление — люди здесь есть, есть кому проповедовать и первое стихотворение:

Узник
Сижу заключенный, лишенный свободы,
Под тенью высокой ограды,
Не вор, не убийца, не праздный монах,
Не тот, кто бунтует народы.
Я самый простой из незнатных людей,
Лишь правду любил я на воле.

Людам я открывал жизнь Христовых путей,

За что и сижу здесь в неволе.
Ко мне не доходит речь вольных людей,
Скрыта от глаз вся природа —
Сквозь щели оконные взоры очей
Лишь зрят глубину небосвода.
И в мрачную камеру солнце порой
Сквозь щель пробивает лучами...
Так слышно, как ровно идет часовой,
Звеня непрестанно ключами.
Меня здесь ругают, позором клеймят,
Безумным глупцом называют,
За «сор» почитают, метут, как хотят,
Словами во прах повергают.
Но — нет! Я вперед, по Голгофским путям...
В молитвах обиды прощаю:
«Прости, мой Господь, этим гордым людям,
Тебя они, смертны, не знают...»

г. Киев, 1948 год

А вскоре я написал еще одно стихотворение.
На день рождения
Сижу заключенный, лишенный свободы,
За мрачной высокой тюремной стеной
И мыслю о том, как прожил свои годы,
Что ровно прошли двадцать три чередой.
Рожденного сына мать грудью кормила —
Святую молитву шептали уста,
Творцу благодарность она возносила,
Просила, чтоб сын жил для славы Христа.
И рос так младенец... и детство настало,
Я стал понимать, что живу на земле,
Увидел, как солнце прекрасно сияло,
И жизнь прекрасной казалась мне.
Но время прошло и открылось пред мною,
Что дни здесь не вечны, есть горе и страх,
И царствует зло над порочной землею,
А жизнь повергается смертью во прах...
А Вечность лишь в Небе, где Бог и Спаситель.
...Мне мать рассказала про милость Христа:
«Он умер распятый - воскрес — Победитель!
А грех, ад и смерть — у подножья креста...»
И стал я молиться... Христос мне явился
В видении ясном с высот голубых,
Из облаков славы на землю спустился,
Ко мне подошел, как Один из простых.
И мы с Ним вошли в избушку простую,
Где жил я с родными... Сказал Он потом:
«Мы хижину эту разрушим земную,
А новый на небе построим вам дом!»
Промолвил и... скрылся!.. А я умилился,
Расстаться с Христом не хотел никогда...
Он дивный явился... и Духом вселился
Мне в детское сердце, чтоб жить там всегда.
И детское сердце Иисуса любило,
И славу Ему воздавали уста...
А люди вокруг все о Боге забыли,
Судили и гнали за веру в Христа.
Так вырос я... Отрок... В школе учили,
Что Бога ведь нет и не было Христа,
Лишь много загадок науки — твердили,
Вся жизнь — до могилы, надгробья, креста.
И так шли года... Лет шестнадцать мне было,
Когда гордый мир захлебнулся волной,
Житейское море всем злом взбушевало,
Народы вздрогнули кровавой войной.
И я этой бурей народных страданий
Был брошен в пучину предсмертных скорбей,
Где мучились люди, без слез, без рыданий,
Потом погибали вдали от друзей.
Предстала пред мной гробовая обитель,
И нету надежды... кто б руку подал...
Но... вдруг слышу зов: «Вот Я здесь — Твой Спаситель.
...Я Тот, Кому в детстве ты сердце отдал».
И тихо рыдая, я Богу молился,
Просил я Христа от меня не уйти,
И Он, Милосердный, с любовью явился —
Последняя пристань на смертном пути...
И дивно спасенный Христом, я отдался

Своим юным сердцем Ему навсегда,
До смерти быть верным Ему обещая,
И жизнь посвятить для святого труда.
И пылко, всей грудью взывая, молился,
Он Духа Святого мне в сердце послал,
Чтоб смело трудился, людей не стыдился —
Распятого Агнца везде возвещал.
...И вновь этой бурей народных волнений,
Что хлынула горем обратной волной,
Я брошен был в море, в пучину мучений.
Но... Богом спасенный, вернулся домой...
Испытанный в вере и духом горящий,
Я послан был Богом на ниву труда,
Чтоб Церковь поднять, пробудить народ спящий,
Кто жаждет, сказать, где живая вода.
И счастлив я был, хотя плоть утомлялась
Без сна, в дорогах, постах и скорбях,
Душа моя в вере и силе мужалась,
Чтоб дальше идти по тернистым путям.
И вот эти терни: тюрьма, одиноко...
Заключен под стражу, как будто злодей...
И злые насмешки, глумливы упреки
Я слышу от гордых коварных людей.
Вот так я прожил почти четверть века,
За что Богу славу возносят уста. Д
ни будущей жизни, судьбу человека
Я отдал в руки Иисуса Христа.
И в память прошедших годов вот слагаю
Без ручки, бумаги стихи... — все в уме
В день мой рожденья числом утверждаю —
Шестого апреля — в Столичной тюрьме.

г. Киев, 1948 год

Воскресенье, день приема продуктовых передач. Узники говорят мне: «К нам придут, а твоя мать так далеко живет». Но друзья пришли ко всем заключенным, и ко мне тоже.

Через месяц нас отправили в закрытую Киевскую тюрьму КГБ. Камера без окон, без света, полтора метра длины, ни стола, ни койки, одна лавочка. Как же узнать, когда день, когда ночь? Ага, когда будут кормить — это день. А как спать? На полу, голову под лавку, ноги под себя. Ведь я же за Христа, надо терпеть под крестом, со Христом. Этой волей Божьей прошел все годы уз.

Думал, что так я и буду многие дни в этой конурке. Но через три дня меня перевели в камеру с окном, длина уже не полтора метра, а три, можно шагнуть и койка есть — три железных прута. Оказывается, та конурка была расфасовочная, а эта карантинная — на 13 дней. Прошли эти дни и меня повели вверх по этажам, в камеру. Люди сидят на полу, книги читают и койка одна с теми же удобствами — три прута без матраца и постели. Спим на полу в своей одежде, при свете. Глазок постоянно мигает, нас охраняют. Надзиратель в тапочках по коврику бесшумно ходит. В десять отбой, спим мертвым сном. Через полчаса вызывают тех, кто на букву «Б», Это меня. «Белых, пошли на прессованный стул». Это до полшестого утра. Еще полчаса сна и в глазок, и так каждые полчаса, — не спи, не дремли. Пища скудная. Голод и бессонница. Это метод выколачивания признания из невинных.

Шестнадцать

Столичная тюрьма сокрыта мрачною стеною.
Здесь, в тесных камерах, мы — узники — сидим,
Не видим солнца, только лишь порою
Сквозь щель оконную в небо мы глядим.
Шестнадцать нас. Тюрьма для нас — обитель,
Друг другу братья, мы все с семьей одной.
Нам Церковь — мать, Христос — Благой Учитель,
А Бог Святой — то нам Отец родной.
Мы не грабители, нам чужды зло, обманы,
Мы не убийцы, руки в нас чисты,
У нас закон — Любовь. Мы люди — христиане,
Хотя наш дух и тверд, но сердцем мы гросты.
Мы — Богом избраны. В Крови Христа омыты.
И Дух Святой Залогом дан в сердца.
Идем мы в Вышний Град, Врата туда открыты
Сынам и дочерям Небесного Отца.
Мы — соль земли и светом светим миру.
Мы проповедуем Распятого Христа,
ЖИВУЮ ИСТИНУ, не мертвого кумира.
Лукавства нет, и совесть в нас чиста.
Мы - граждане Небес, сыны Отцовской славы,
В сем мире — странники, пришельцы на земле.
И здесь, вдали от врат родимой нам державы,
Христово поругание мы носим на себе.
Нас гордый мир безумными считает,
Поносит с яростью, неправдою клеймит...
Христову истину юродством называет,
Творца Всевышнего ругает и хулит.
Нас умертвить хотят пожизненной тюрьмою,
Работой каторжной и в дальних лагерях,

Но ведь бессмертны мы, хотя просты собою,
Но Дух Святой живет у нас в сердцах.
Мы духом Вечные!.. И смерти мы не знаем,
Святая Истина живым Столпом стоит,
Хотя мы изгнаны и в тюрьмах здесь страдаем,

Христову Церковь ад не победит.
Христовы воины!.. Тернистыми тропами,
Страдания путем мы к Вечности идем.
Христос вознаградит бессмертными венцами,
Пред Ним мы гимн победы воспоем.

г.Киев. ! 948 год.

Мы с Левчуком ходим к одному следователю. Через ночь не спим. На утреннюю дневную пайку хлеба кидаются, чтобы горбушку взять и сразу съесть. Я ниточкой на части режу. Вечером ложка каши и пять граммов сахара — бутерброд с кипятком. Вера и терпение — средство устоять В истине. Нас шесть в камере. Лето — духота. На следствие ведут через двор. Киевские каштаны дышат — глотаешь воздух — вот она свобода. Нужна живая вера, чтобы устоять. Проходит полгода, следствие закончено, подписывается двухсотка — статья такая, дело идет на суд. Разрешили дать знать о себе родственникам. Приехала мать, потом узнали друзья Киевской церкви, Обуховской, Приехали, накормили, одели в теплую одежду — скорее всего отправят на север.

Воскресный день

Ждем суда и вдруг все оказались в одной камере- Мы уже осуждены особым совещанием КГБ, зачитали приговоры: за антисоветскую деятельность мне дали Я лет, Бидашу и Левчуку по 10 лет, и другим кому сколько, не меньше 5 лет.

Юность

...В жертву на алтарь пред Богом Всемогушим
Я сердце возложил в начале юных дней,
И посвятил Христу лета весны цветущей
В пылу молодых желаний и страстен.
А гордый мир, прельщенный тленной славой,
Я отвергнул пред Богом навсегда.
И время дней золотых не тратил для забавы
В греховных прелестях бесплодного труда.
И дней молодых прекрасные порывы,
И пламень юности, горящий у груди,
На труд святой восстали, верой живы,
Узрел я цель бессмертья впереди.
Я к ней иду тернистою тропой,
В тюрьме страдая, слезы часто лью...
Но сердцем вижу я Христа перед собою,
Ему я в жертву юность отдаю.
И здесь в тюрьме тоскою я порою,
Но сердце ровно бьется так в груди,
И знаю я, что в родину святую
Иду по этому тернистому пути.
И не страшат меня оковы заключенья,
Ни тяжкий труд, ни дальность лагерей,
Страдать за истину дает мне вдохновенье
Надежда будущих счастливых в Небе дней.
Сокрытый в узах я, но дух мой на свободе,
Что Бог дает спасенным во Христе,
Ее там нет, где грех царит в народе,
Где мыслит каждый только о себе.
Свобода вечная в садах тенистых рая,
Где души страждущих воспримут мир святой,
Где жизнь цветет, любовью озаряя
В чертогах вечности незыблемых покой.
В тот вечный дом моя душа стремится
На лоно мира, счастья и любви...
Под древом жизни там хочу сокрыться
И отдохнуть у Иисуса на груди...

Мы за колючей проволокой, но для Слова Божия нет уз

Итак, мы на крайнем Севере, за колючей проволокой, в политлагерях Воркуты, Инты и Абеса. В лагере для инвалидов наши епископы Бидаш и Шокало.

На спинах у нас номера, как у автомашин, у меня А-220. Наш Интинский называли минлаг, а Воркутинский речлаг, там номера еще на шапках и на рукаве. Это уже больше, чем у автомашин. Нас в лагере встретили как гостей очень вкусной пищей: вареный конский неочищенный овес для голодного желудка, как манка для детей. Сначала мы вчетвером были на пересылке, затем нас отправили в распределительный лагерь, в будущем сангородок. Ведь здесь лагерей много и заключенных в угольном бассейне Интауголь пятьдесят тысяч, малая частица громадного ГУЛАГа, где одновременно помещалось семнадцать миллионов людей. Здесь в строящемся городке мы встретили прораба Яблонского Войсеха Николаевича из села Нерколово Винницкой области. Он уже отбыл два года из вторых десяти лет. У него была Библия, мы имели общение. Работал я у него ночным сторожем. Ночь, завтра праздник Пасхи, говорят, что солнце играет перед Пасхой. Ожидаю восхода — вот заря загорелась, трепетно всматриваюсь, встречая Жениха. Вижу: на фоне зари вышла золотая чаша на выходящем круге солнца. Значит правильно говорят: играет, тому кто этого ожидает — ведь Христос воскрес.

Гимн хвалы Творцу

Великий Бог, Всеведущ, Всемогуший,
Творец Премудрый неба и земли,

Творенья гимн, хвалу Тебе несущий,
Как жертву Авеля к престолу ты прими.
Заря взошла, природу пробудила,
Зачала песнь сияющего дня.
Поет о том, какая в свете сила,
Как тьма бежит от Божьего огня.
И хор запел: луга, поля и горы,

Леса и степи, реки и моря,
И всей земли великие просторы
С восторгом славят Вышнего Тебя.
Приятно им сиянье жизни света.
В Нем их дыханье, слава и краса,
Его теплом вселенная согрета,
И рождена живительная роса.
Хвалебный гимн поет тебе создание,
Перстов Твоих величье, чудеса.
Всему Ты жизнь дал, силу и дыханье,
Что наполняет землю, небеса.
Поют Тебе все рыбы океанов,
Морей и рек и множества озер.
И птицы всех родов, пород и всяких станов
Хвалой наполнили подоблачный простор.
Звериный страшный рев, и нежный голос чайки,
Жужжанье пчел, и рыбы шорох тих,
И шумный хоровод всех жителей лужайки —
Слились хвалой Питающему их.
Поют, поют: зима — метелью, стужей,
Весна — цветущим голосом садов,
И лето, продолжая песню ту же,
Встречает осень, полную плодов.
Поют, поют — четыре поры года,
И день и ночь хвала их не молчит.
В каком народе ни была бы природа,
Она о дивном Боге говорит.
И светлая луна, покой их охраняя,
Как страж ночной, чуть слышно песню поет.
И миллионы звезд, песню эту повторяя,
Как славу воинства. Творцу хваленье шлет.
А солнце, солнце — дар Господней славы,
В лучах Его неисчислимая хвала
Творцу за то, что всей земной державы
Оно — источник жизни и тепла, Земля
поет, и небо славит Бога.
«Осанна в вышних!» — Ангелы поют,
В стенах славного, небесного чертога
Достойному честь, славу воздают.
Какая песнь, какие дивны звуки!..
Но что еще Творцу недостает?..
Кого еще создали Его руки?..
И кто молчит, кто песню не поет?..
О, человек! — Перстов Господних слава,
Тебе Творец все в мире покорил,
И чем наполнена вселенная держава —
А ты молчишь, восстань скорей, проснись,
Заря взошла — Христос пришел к Тебе —
К Нему иди, к Нему иди, явися
Таким, как есть, ведь Он зовет к Себе.
Приди и пой про дивное спасенье,
Победы песнь Простившему тебя,
Про смерть и жизнь, про славу воскресенья,
Тому, Кто в жертву миру дал Себя.
Приди и пой, твоя ведь песнь всех выше.
В ней полнота любви и чистоты
И жизни вечной, данной тебе свыше
Крестом Голгофским, встань, воспой и ты!"
Ты, Церковь, пой, земля Тебе внимает,
И небо вторит дивным тем словам.
Хвала Творцу, Кто грешников спасает,
И град небесный дал Своим сынам.
Хвала! Хвала! Осанна! Аллилуйя!
Воспойте юноши, и дети, и отцы,
Все племена, языки торжествуйте,
Творцу воспойте, всей земли концы.

КГБ все время следит за нами. Вдруг Войцеха посадили в тюрьму, которую он сам построил. Развозят по лагерям. Нас двоих на первую и вторую шахты в центре города Инта. Войцеха на третий лагпункт. Работаю в шахте, в системе снабжения сжатым воздухом отбойных молотков. То переносу след за движущейся лавой воздуха провода, то дежурным слесарем кладу по лаве с наклоном 47° и пластом 1,7 м. Температура здесь +5°C, Ношу забойщикам отбойные молотки, меняю молотки, ремонтирую шланги. В шахте не обедают. Восемь часов рабочего времени. Первая, вторая и третья смены. На поверхности рабочий день 12 часов. Кончилась смена, моемся в душевой и спешим в столовую. Помещение с узкими воротами. Тысяча эзков ломятся в эти ворота, а за ними станки для обыска. Снимаем верхнюю одежду, обувь, идем босыми

ногами по опилкам. Ищут ножи, топоры — ведь в лагере враждебные группировки. Режут и убивают. И так, мы у ворот коридора, опутанного колючей проволокой, соединяющего рабочую зону с лагерем. Голодная толпа нажимает на ворота. Солдаты греются, эки мерзнут. Наконец, выходят с длинными досками, где списки бригад и их количество. Наперебой кричат: бригада такая-то. Вот пошла тридцать третья, солдаты считают, одного не хватает — назад. Бригада в ярости, все кричат, ищут, а человек где-нибудь в душевой застрял или в тесных воротах, обыска еще не одолел. Когда он появляется, бригада поучает, чтобы не опаздывал. Толпа нажимает на ворота, солдаты бьют досками по головам, закрывают ворота и идут греться. Легче работать, чем пройти в зону. Верю, и в подземелье Господь слышит молитву.

И здесь, в подземелье, где мрак гробовой
Тяжело сыростью дышит
Склоняю колени свои я с мольбой
И верю, что Он меня слышит.
Библия в узах

Прошло полтора года. И Господь сотворил чудо. Я работаю в котельной шахты. Тепло, светло, уютно. Нас четырнадцать братьев, половина узники за веру, половина уверовали в лагере. Начальник котельной — наш брат, а я — начальник смены, у меня в бригаде все верующие, нас именуют «святая бригада». Начальствующим, по закону лагеря, полагаются нижние нары возле прохода и тумбочка. Это дает возможность проводить собрание меж нар, в моей тумбочке два дна, там хранятся Библия, Евангелие и десятиборник. За шесть лет на этих собраниях была преподана вся Библия, от Бытия до Откровения, с тематическими объяснениями. Два брата — Юра и Петр Белоцерковский имели дары откровений, и это нам очень помогало при изучении Священного Писания, как написано; «Да даст вам духа премудрости и откровения к познанию Его» (Еф. 1:17); «Слово Христово является в вас обильно, со всякою премудростью» (Кол. 3:16).

Хотели получить откровение на Откровение Иоанна, а Господь сказал: «Рано вам. Занимайтесь Евангелием», Все наше богатство в узах — Библия. Господь сказал: «Забудьте на время свои дела, свои семьи. Научитесь Меня здесь любить, научитесь Мне здесь служить». Ношу Библию и на работу — там она тоже нужна. Обратном в зону несущим за поясом, под рубашкой. Иду на обыск к надзирателю, но он по животу не гладит. Господь хранит. У нас три смены, все братья проходят через котельную. У нас тепло, уютно. На поверхности работают по 12 часов. Со смены идут на ужин и не все столы бывают заняты. Мы открыли Библейские курсы за пустыми столами. Но однажды нас окружили надзиратели, у меня в руках Евангелие, у Пейво Библия. Анатолий Мазунов сделал вид, что убегает, надзиратели бросились за ним в погоню. В это время я отдал Евангелие официанту, Пейво спрятал Библию в обувь (сапоги у нас тяжелые, широкие). Повели на вахту, обыскали; записи, конспекты отобрали, а Библия и Евангелие были спасены.

Кто же мы — церковь узников? Серафим Марин — начальник котельной. Войцех Яблонский, тот самый прораб, который вначале взял меня к себе ночным сторожем — Петр Белоцерковский, чуть глуховат, дитя природы и святая простота, имеет 25 лет срока, бывший коммунист. Его жену Марию взяли еще раньше его, она в Караганде. Дочку забрали в детдом, откуда механик шахты взял на воспитание. Они из Лисичанска, что в Донбассе. Юра из Днепропетровска, уверовал через Петю Белоцерковского — в котельной Господь многих крестил Духом Святым, это возбудило ревность и за полмесяца все уверовавшие в лагере были крещены Духом Святым. Вот их имена: Василий Щеглюк из села Мотовшовки Киевской области, Александр Чайка из сионистов, Анатолий Лазунов из баптистов, он за христианскую веру получил 10 лет, Пейво Казикомп — сын эстонского генерала, репрессированного после оккупации Эстонии.

В лагере так же уверовали; Лева (фамилию не помню) — москвич. Отца взяли в 1937 году за то, что он написал в библиотечной книге «Сталин Иуда», и получил 10 лет; Володя Беляков — бежал из Эстонии на «райские советские кушчи» — и получил 10 лет; Степан (фамилию не помню) — бежал из Чехословакии, — тоже 10 лет; Семен Натяжко и Кирилл Воднюк дали хлеба бандеровцам, за это — 25 лет; Яков Вибе и фельдшер Павел Иванович Штуберт, русские немцы; группа немцев-лютеран, человек десять, уверовали в Евангелие, покалялись, приняли водное крещение и были крещены Духом Святым.

Связь со «свободой» мы держали через Николая Пивменко, «власовца», уверовавшего, который работал на нашей шахте. Он приносил нам вино для причастия, через него отправляли письма. Нам разрешалось написать родственникам два письма в год, и еще у нас была своя «почта». Между двух досок клали пачку писем, за каждое — рубль, доска вешалась на гвоздик, где грузили уголь, засыпая его из бункера. В пачке писем — записка: «деньги возьми, а письма брось в почтовый ящик». Эшелоны шли в разные города. Так я рассылал стихи и письма друзьям. Иногда пакет возвращался в лагерное КГБ, и меня вызывали на «обработку». Так песня «Земля бесплодная» дошла до народа Божия.

Земля бесплодная, угрюмые просторы,
Безвидный край, далекий — Воркута.
Вы приняли в железные оковы
За правду изгнанных свидетелей Христа.
Суровый край ты, север, но проклятья
От Божьих слуг тебе не услышать.
Зимы твоей холодные объятя
Мы теплым словом будем вспоминать.
О, дальний север! Видишь, на бесплодь
Уже растут святые семена,
И на твоём заброшенном угоды
Плоды пожнут грядущи времена,
Твоя суровая полярная стихия,
И тундра мертвая, и буйная тайга,
Как вся страна, огромная Россия,
Услышат весть свидетелей Христа.
Бессилен ты пургой ледяною
В сердцах огонь Господень угасить,
И всей колючей проволокой стальнойю
Не сможешь дух святых поработить.
Ведь День придет, и скажет Бог Всесильный:
«Довольно, север, пленников отдай...
Весна пришла, посев настал обильный,
Сынов Моих на труд выпровождай...»
Падут оковы, цепи разорвутся,
Христовы воины свободу обретут,
Великой силой Духа облечутся
И знамя истины в народы понесут...

Главной заботой у нас было, чтобы не отобрали Библию, Мы усердно молились, и Господь хранил. Но не всегда все

было гладко. Однажды Петя Белоцерковский, лежа на нарах, читал Евангелие. Это увидел надзиратель. У Пети стали биться колени от страха, что он заберет книгу. И забрал, невзирая на просьбы заключенных. Через некоторое время Анатолий Мазунов пошел к оперуполномоченному просить, чтобы он отдал Евангелие.

— Какое тебе Евангелие, двое эзков убежали, мне за них дадут пятнадцать лет, — огрызнулся уполномоченный.

— Мы будем молиться Господу, и Он защитит вас. Он промолчал, потом выдвинул ящик стола, медленно достал книгу и протянул брату, Слава Господу, вновь Евангелие у нас! Как-то Анатолий читал Евангелие на улице, это заметил оперуполномоченный всех лагерей Интауголь и отобрал-

— Гражданин начальник! Эта моя жизнь, я буду Господу жаловаться — сказал Анатолий. И через некоторое время, когда бригады шли на обед, этот начальник пришел в лагерь, позвонил Анатолия и отдал Евангелие,

— Только никому не говори. — сказал он-

Рядом с нашим лагерем был женский, там наши сестры-узницы благоусловивались и их, вместе с новообращенными, посадили в тюрьму. В тюрьме Господь подкрепил их Духом Святым. Мы с сестрами имели нелегальную переписку. Водное крещение преподавали в небольших озерах от шахтных выработок — шурфах. Три брата работали в инструменталке, там была горница, В ней совершали причастие. Господь говорит: «Я вас испытаю». И вот идет служение. Чаща и хлеб стоят на тумбочке. Неожиданно входят два надзирателя. Я спрятал трапезу в тумбочку. Они стали делать обыск, роются в карманах бушлатов, а у меня в бушлате пол-литровая бутылка вина. Но мой бушлат они пропустили, но если бы нашли вино, пришлось бы сидеть в лагерном тюремном месяце два. А в тумбочку не заглянули, правда, у нас она была с двойным дном, как я уже говорил об этом. Когда они ушли, мы с благодарностью Господу окончили служение. Потом вышел указ, запрещающий ходить по чужим баракам, это чтобы мы не собирались. Эту тумбочку с двойным дном мы носили из барака в барак, когда нас переселяли, а это случалось довольно часто. Котельную мы содержали в образцовом порядке. — это сердце шахты. Начальство к нам относилось благосклонно, просили молиться за работающих в шахте, потому что там часто погибали люди. И мы молились, и Бог давал защиту. Петя и Юра работали в моей смене на стационарных паровозных котлах. Подхожу как-то к Пете во время его работы у котла. Он говорит:

— Брат Виктор! Вместо лампочки вижу Евангелие.

— Да, оно свет.

— Вместо манометра тоже Евангелие — регулирует жизнь. Юра кричит:

— Брат Виктор, скорей иди сюда! Подхожу.

— Эх, опоздал! Такой большой Ангел стоял там вдали. В лагерь прислали двух молоденьких братьев, из Ровенской области, Сашу и Мишу Мочдзюк, они быстро подключились к нашей жизни. А в лагере говорят лишь об одном — как и когда придет свобода, Предполагаем разные варианты, но то, что открыло двери для многих — никто не предугадывал. 1953 год. Март месяц — умер «отец народов», который был творцом ГУЛАГа, Господь показал в видении бушлаты за колючей проволокой. Что это значит? Потом начальство распорядилось: «Пишите жалобы». Мы стали писать. Петя Белоцерковский был осужден на двадцать пять лет, через два месяца вышел приказ: «освободить», Петя в изумлении бьет ладонями по коленям:

"Как это могло быть, как могло случиться?" Петр и Мария вернулись в Лисичанск, отсудили дочку, и снова вся семья собралась вместе. По жалобам и разборам комиссий многие выходили на свободу. Я тоже писал жалобу, но отсидел положенный срок и только в мае 1955 года освобожден на вечную ссылку.

Первым был освобожден брат Лева. Ему собрали по лагерям семь тысяч рублей и он купил у одной лютеранки подполка над рекою Ин-та. Там проводили собрания. В начале жили в подвалах пятиэтажных домов. Потом нашли в бывшем лагере недостроенный свинарник. Сделали своими руками пять квартир. Я жил в квартире, в семье брата Кирилла и сестры Нины. Собрания проводили каждый день утешались свободой. Вскоре Дух Святой, по желанию народа, поставил меня пастырем церкви. Афанасий Бидаш, когда освободился, ехал из Абеса домой, заехал к нам и рукоположил меня пресвитером церкви и еще поставил семь диаконов. Был у нас хор и я был регентом. Церковь умножалась, Первое крещение преподавали в проруби; лед — два метра толщиной. Вода была ледяная, а я — как бы в огне. Старался только, чтобы не дрожали губы. Никто не побоялся мороза, все крестились — мужчины и женщины, молодые и старые. По вере — никто не простудился, не заболел. Лето на севере короткое, и мы проводили крещение, не ожидая его. Братья-немцы пошли к лютеранам в другую половину дома и привели их в церковь. Из семи национальностей и людей разных исповеданий Господь сделал одно стадо. До тридцати сестер приходили на собрание из лагеря по пропускам. Мы их кормили и потом провожали до колючей проволоки, но уже не было ни вышек, ни охраны Кто освобождался и оставался на вечную ссылку, искали жилье и работу, мы им помогали. Кто уезжал, тем покупали билеты. Была у нас воскресная школа, мы содержали детей, матери которых были еще в узах. По откровению Духа Святого мне были открыты двери всех лагерей и я мог посещать братьев-узников. Освобождали многих, церкви Воркуты и Инты имели общение, пламенели Духом, служили Господу.

Узники

Мы — узники, братья-страдальцы за веру,

За правду дарованной с неба любви,

За слово Господне, за проповедь миру

О силе Христовой пролитой Крови.

Изгнали за то, что Иисусу служили,

Жизнь вечную в Нем возвещали людям,

За то, что мы правду святую любили

И верою шли по Господним путям.

За веру в свидетельство Духа Святого,

За силу Его всех знамений, чудес,

Что тьму рассевают неверья земного

И людям вещают о славе небес.

Нас в узах томили, но силу святую

Оковы не могут собой удержать.

И адскую силу, коварну и злую,

Всегда будет в мире она побеждать.

Сей Голубь небесный, на крыльях спасенья,

Всегда будет в узах, к гонимым летать.

И лист с Древа жизни — сердцам исцеленье —

Господь чрез Него будет нам присылать.

Мы с Божней силой пройдем все сраженья,

С победой вернемся в родные места.

И в дивной молитве святого общенья

Все вместе прославим Иисуса Христа.

Потом пал «культ личности», и сняли нам вечную ссылку- Господь повелел мне ехать на труд в свое братство. Павел Егоренко остался пресвитером в церкви, а мы, несколько человек и часть хора, уехали и по пути посещали церкви. Посетили церковь в Каджероме, в тайге. Там не было служителя и не приносили маленьких детей, как это положено, Дети стали уже подростками и их приводили в церковь. Проехали Москву и поехали к друзьям в Саратов, они не забывали о нас в узах. Там совершили водное крещение.

В Новоузенске мы доставили много хлопот КГБ, организовывая служения. Но нас не тронули, а просили скорее удалиться, даже свой транспорт предложили. Посетили церкви Донбасса, побывали у Афанасия Бидаша в Пятихатке, заехали к моей маме в Золотоношу, посетили Киевскую церковь, в Житницах Житомирской области сочетали Сашу Тула и Лену, а потом из Львова развезались по своим домам. Это была осень 1956 года.

В это время я вошел в труд руководства церкви Христиан Веры Евангельской (ХВЕ). В городе Черновцы епископы Бидаш и Горобец рукоположили меня в епископы, С Бидашом мы посетили церкви Молдавии. с юга до Кишинева, в Одесской церкви я встретил жену Воро-наева, она уезжала в США. В это время Хрущев объявил об «ошибках в атеистической пропаганде», и мы с Левчуком поехали в Москву искать свободу. Нам сказали: «только с баптистами». Начались переговоры, и мы убедились, что стоим на разных путях, хотя идем в одно царство. Господь сказал нам: «Я даю вам свободу, трудитесь». Гонимые церкви нуждались в подкреплении, наставлении священства, освящении. Автономная регистрация пленила некоторые церкви. Вышел указ об административных штрафах, запрет на воскресные школы, благотворительность. И снова начались гонения, репрессии.

Город Винница — «тихое местечко»

В начале 1967 года в Пятихатке, где жил Бидаш, мы собрали сове-Ушание братьев-служителей, руководителей церкви ХВЕ. По предложению братьев я поехал в церковь Нижнеднепровска, чтобы рукоположить служителей. По возвращении узнал, что братьев арестовали и меня ищут. Я обратился к Господу: «Что мне делать?» Получил ответ. «Не иди в их руки, я дам тебе тихое местечко, где ты потрудишься». Ночью я заехал к маме в Золотоношу, Она говорит: «Я трижды слышала голос: «Читай Псалом 90 — живущий под кровом Всевышнего под сенью Веемо; ущего покотся», 1-1 я поехал искать тихое местечко». В пути мне во сне явился Войцех Яблонский, с которым я был в удах, и сказал: «приезжай к нам». Приехал я в Винницкую область, в село Ишвань. Там было братское, рукополагали служителей. Так я начал свой труд в церквах Винницкой области. Пока это действительно было «тихое местечко». Воодушевлен откровениями Духа Святого. В Виннице была создана молитвенная группа, где действовали дары откровений, видений и пророчества. Силою откровений Духа Святого мы останавливали лжепророков, лжеделателей, пресекали ереси, заблуждения, давали наставления служителям, подкрепляясь словом Божиим и Духом Святым.

С одним братом мы пошли в село Никифоровку как паломники-Сели на лавочку среди многих приезжих- Идет молитва за очищение. Возглавляли ее Лена и его мать. После молитвы нам говорят: «Господь сказал. Он вас сюда послал». Отвечаю: «Молитесь, чтоб сказал, зачем Он нас послал». Молятся. Говорят: «Господь сказал, чтобы мы вас слушали».

Итак, мы получили власть на разрушение заблуждения и восстановление церкви по слову Божию-

В церкви села Никифоровка была объявлена молитва за очищение от бесовских духов, и туда стекался народ из разных мест не только близких, но и далеких. Благодаря откровениям мы определяли наличие нечистых духов, и характер и изгоняли их молитвами, постами, а иногда приходилось применять и физическую силу. Это очень тяжелый и непростой труд, но Господь давал милость.

В селе Вороновице жила Соня, которая никого не приветствовала, пока не помолится с откровениями. Паломники шли сначала к ней, а потом в Никифоровку.

Иду в Вороновицу, нахожу Соню. Захожу в избу, выходит навстречу Соня, и прежде чем она проговорила свое «я тебя не приветствую», я сказал Духом Святым: «Я тебя не приветствую, будем молиться», Господь обличил ее в лжепророчестве, и она стала каяться и просить: «Браточку, спасай меня», «Оставь лжепророчество, возьми трехдневный пост и совершай покаяние».

В этом селе мы молились в одной квартире, народу было довольно много. В окно увидели, что идет милиция. Встали на колени. Видение: «Идет лев». Во время молитвы две сестры и брат (он был очень похож на меня) вышли навстречу милиции. Их остановили и стали проверять документы у брата — он оказался местным жителем, а сестры в это время убежали.

В селе Забужье брат Семен давал сестрам новые имена — Руфь, Сара, предварительно три раза покрутив пальцем в воде. Господь сказал мне: «дал дары Мои, но пользуются превратно».

Затем пошел в церковь в села Забужье, где Семен был остановлен в его заблуждении.

В церкви села Заруденцы было несколько претендентов на пастырское служение в церкви. Мы объявили служение и молитву с постов для окружающих церквей, в конце служения поставили тайную нужду, ответы писали письменно. Потом встала девица пророчествующая и указала рукой на брата Семена Лободзинского. «Этого я поставлю пастырем церкви», — сказал Господь. И это подтвердили еще восемь ответов на нужду письменно. Тогда я поднял всех претендентов и спросил: «Господь сказал?» «Да» — был ответ, и мы рукоположили брата Семена.

В Винницкой церкви нужно было рукоположить пастыря. Был объявлен трехдневный пост освящения церкви с исповеданием. Несколько претендентов на пастырское служение были агентами КГБ. В конце служения совершили молитву о пастыре церкви. Имеющие откровения входили по одному в комнату, на глазах всего народа. Все откровения указывали на брата Федора, как на пастыря церкви, а также разоблачали завербованных КГБ. Мы рукоположили брата Федора, а после рукоположения молились в его доме. Потом собрались пойти в село Некролово к брату Войцеху, но в молитве было видение: карта, на ней дорога на село Гриженцы. Брат Иван Лысок знал, где это село и мы поехали. Оказалось, что церковь в трехдневном посте прост Господа, чтобы Он прислал служителей для освящения.

Там случилось такое: пастырь церкви вместе с женой пошел на колхозное поле собрать ботвы от свеклы. Жена под ботву положила свеклу. Встретил их председатель и спросил: «Что несешь?» Она ответила: «Ботву». Он посмотрел и нашел свеклу. Пастырь от позора отстранил себя от служения. Было видение: народ по колено в грязи. Народ покаялся, исповедовались. Одна сестра исповедуется: «Взяла ботву, положила на повозку, повозка опрокинулась и бурьяки покатились из под ботвы. Меня обличили». В селе Гриженцы я и прописался, а жил в Гривани у братьев Гриши и Лени.

В селе Янсьв, недалеко от станции Калиновка проповедовалось еретическое учение Махтея-Кости. Мука для причастия — обязательно из непочатого мешка, а воду брать рано утром из колодца. Покрывало на столе трапезы должно быть красное, а сверху голубое. Вес должны стоять босиком. После причастия — мыть руки. Рукоположенных служителей там было мало, они выдавали себя за епископов. Они предложили устроить рукоположение, но при условии принятия их учения.

На молитвенной группе в Виннице было повелено Духом Святым: «Иди к ним с любовью и я положу их лица на землю». Мы, несколько служителей, и братья, имевшие дары, поехали на их причастие. Меня заподозрила милиция. Проверили документы и отпустили. Когда ожидали поезда, на нас обратили внимание и меня повели на проверку в КГБ, Я объяснил, что мы едем на богослужение в село Янсьв и меня отпустили. Пришел на станцию, а все уехали. Меня догнали братья Федос и Дармограй из села Широкие Гребни и мы поехали вместе.

Приехавшие раньше молились. Через сосуд было сказано: «Идите, встречайте, идет с Федосом и Дармограем». Присутствовали на причастии Махтея и Кости, увидели их ритуалы. После причастия я им говорю, как было сказано, с любовью: «Братья, вы уважаемые старцы, нам бы с вами трудиться». Предложили провести братское для решения вопросов о совместном труде. В селе, где жил Костя, на братском решили совместно трудиться в церквах, где они посеяли свое учение. В этом труде народ вышел из заблуждения и они отлучили Махтея. Говорили, что дочь Махтея несколько лет рождает «Христа» и никак не родит.

В селе Зорном была группа обольщенных. Они закрывали окна, плясали, пели духовные частушки при всяких диких ритуалах. В церкви пресвитером был Костя. Господь сказал: «Отстраните брата Костю от служения. Он осквернен в грубой борьбе с обольщенными. Поставьте другого пастыря и я обольщенных приведу к покаянию». Брат Костя был отстранен, мы рукоположили Павла и обольщенные пришли с покаянием.

Вечером мы с братом Павлом пошли на служение в село Поча-пенцы. Шли по протоптанной дорожке, через пахоту.

Возвращались той же дорожкой часа в два ночи, потеряли дорожку, и блуждали до усталости, брат Павел водил меня, искал дорожку. Говорю ему: «Брат Павел давай помолимся, попросим Господа, чтобы нам увидеть на горизонте признаки селения». Помолвились и пошли, и скоро пришли в село. Спрашиваю брата Павла: «Какое это село?» «Не знаю». Вошли в центр села, оказалось те же Почапенцы. Только к утру мы добрались до села Зорного.

В селе Колохоне сестра Антося выходила замуж. Господь сказал мне: «На браке присутствуй, но сочетание поручи другому». Сочиты-вал пресвитер брат Семен Лободзинский. Я стоял в саду поддеревом, агенты КГБ фотографировали, но меня не заметили.

В церкви села Бабина Долина ночью совершали причастие. Когда расходились, нас встретили машины милиции, но проехали мимо. Мы с братом Иваном из села Бронлово пошли отдыхать в одну семью. Легли спать. Будят. По селению ищут по фотографиям. В семье отец неверующий в страхе: «Меня оштрафуют». Мы с братом Иваном ушли из этого дома и пошли полями на Жмеринку. Догнал нас «бобик». Попросились довести до Жмеринки — оказалось, что НКВД. Меня не узнали и мы сошли у вокзала. Верующие, уезжавшие с причастия, ахнули, увидев меня в «бобике» НКВД. Говорю: «Это такси», и мы пошли на вокзал.

Конец труда на «тихом местечке»

Власти уже приходили в Гривань, где я жил. Господь, повелел мне устроиться на работу, Я работал с братом Иваном Лысаком по монтажу завода в городе Немерова, там же и жил у сестры Оли Однажды при выходе с завода меня встретили работники КГБ, посадили в «бобик» и увезли в свои апартаменты. Там сказали: «Ну, ты и потру-лился во славу Господа в Винницкой области!», передали меня работникам КГБ Черкасской области и увезли в город Черкассы,

Братьев уже судили и я не попал на их процесс, опоздал. В Черкассах меня отпустили под надзор КГБ, без права выезда из области. Поскольку к продолжал труд и разъезжал, КГБ усилило давление, чтобы сломить меня; постоянные вызовы, предупреждения. Дали две недели. потом еще две недели, но поскольку я не прекращал труда, меня передали министру КГБ, Тот три часа кричал, угрожал и напоследок сказал: «Еще один шаг и десять лет». Поскольку эти! запретных шагов я сделал много, меня арестовали в начале ноября 1958 года.

Когда я еще свободно трудился, будучи в городе Днепродзержинске, где жил брат Юрий (который имел дар откровения и был со мной в лагере), я обратился к Господу с вопросом; «Что мне дано? Брак или Оеэбрачне?» Получил видение: «Два букета становятся одним букетом. Рыбы самка и самец у гнезда- Муж бурит скалу, а жена поливает ему иоду на спину». И было сказано: «Поезжай в Винницу, там Я тебе еще скажу». Поехал я с друзьями и было пророчество: «Тебе предстоит семейный очаг. Пристань к дому матери и я приведу жену-невесту в твой дом». Находясь под надзором КГБ, я устроился на работу электриком на птицефабрику. Когда я нуждался в работе, было видение: «Труба кирпичная, белые куры и колесо, как у швейной машины». Работая на электростанции, сидя у распределительного щита, я вспомнил: кирпичная труба, белые куры птицекомбината и колесо электрического щита (для повышения напряжения при включении компрессоров). Однажды Господь сказал: «Завтра придет та, о которой я тебе сказал». Я сказал маме и братьям б церкви. Это была Вера Нечипоренко из Москвы. Она приехала по пути в отпуск, в Кривой Рог, где раньше жила. У нее было поручение от Челябинской церкви, которую она посетила. Я дал сестре Вере прочесть 24-ю главу Книги Бытия о Ревекке и сказал: «А теперь уезжай в отпуск и думай. По возвращении дашь ответ». Господь мне сказал, какой она даст ответ и я написал ей стих: «Приветствую тебя, Ревекка дорогая,,»

Когда Вера возвратилась и дала ответ, я дал ей листок, где было написано, как Господь мне сказал, и стихотворение.

Ревекке

Приветствую тебя, Ревекка дорогая,
Навстречу мне ты вышла на порог.
Я ждал тебя, совсем, совсем не зная,
Кого навстречу выведет мне Бог.
И вышла ты... к колодцу поспешала,
Кувшин украсил голову твою.
Я пить просил — ты скромно отвечала:
«Пей ты, я и верблюдов напою».
Верблюды с жаждой пьют, Ревекка их ласкает
Сердечной простотой, теплом своей души,
Сама того совсем не понимая,
Что ведь за нею в степь они пришли.
Но тайне подвига твоей любви сердечной
Домоправитель с радостью внимал,
И гимн хвалы Владыке жизни вечной
С великой радостью Он Богу воспевал.
Что сделал Бог, того нам не поправить,
Что Он сказал, того не изменить.
И на кого Свой взор любви направит,
Тому просимое всегда Он подарит.
Ревекка! Славна будь ты жизнью и делами,
И твой светильник пусть всегда горит,
Готовься в путь, верблюды те же самы,
Которых ты желала напоить.
Их Бог послал, и ты их повстречала.
Они твои, а также и того,
Кого не зная, долго-долго ждала
Как друга, спутника и мужа своего.
Семейный путь — для вас он незнакомый,
Что встретите — делите на двоих,
Живите так, чтоб каждый был готовый
Для друга не жалеть последних сил своих.
Примером будет Тот, Кто был в огне страданий,
Терновник лишь украсил голову Его.
Крест полн мучений, слез и воздыханий,
Там Кровь и раны Агнца твоего.
Он первый шел и крест Свой нес безмолвно,
Спасенье даровал погибшим чадам тьмы.
Он шел на смерть, но сердце было полно
Святой любви, пленяющей умы.
Он нам служил, безропотно страдая,

И жизнь отдал за счастье всех людей.
Но мир, того совсем не понимая,
Желал Ему распятыя и гвоздей.
Примером этим учит нас, спасая,
Как нам любить, терпеть и побеждать.
Пойди за Ним, Невеста дорогая,
Жить со Христом и вместе с Ним страдать.
На Лобном месте — тьма, землетрясенье,
Там смерть лобзает гвозди и копье,
Но там в саду Христово воскресенье
Как солнце разольет сияние свое.
Идите в сад тот, наши дорогие,
У ног Христа вас Бог благословит
И скажет вам: «Любите вы друг друга
И будете со Мною вечно жить».

В присутствии мамы мы сделали молитвенное заручение и она уехала в Москву.

Брак состоялся в Москве 1 января 1958 года. Сочитывал нас пресвитер Саратовской церкви Николай Егоров. Вера работала в министерстве лесного хозяйства бухгалтером. Министерство могло меня прописать в Москве, но я не захотел. Они удивились: «Что за человек, не хочет жить в Москве?» Мы поселились в доме матери, в покосившейся избушке. После капитального ремонта она стала ровной избой. Прошло десять месяцев нашего брака, как нагрянула опергруппа КГБ. Целую неделю работали. Вызовы, обыски у меня и у членов церкви. В конце увезли меня на поезде в Черкассы. Вера была беременна на пятом месяце. Прибежала к поезду в последние минуты перед отправлением. Звенит звонок, а я весь горю внутри. Вера бежит, машет вслед поезду.

Бежала ты по узкому перрону
Забилось сердце. Дух мой застонал.
Под лязг колес, качание вагона
Тебя я скорбным взглядом провожал.
И как мне передать такую муку,
О, помоги мне, Боже, не роптать.
Я знал бои, но я не знал разлуку,
Не знал, что можно так томиться и скучать.

Зная мою скорбь разлуки, сотрудники КГБ приходили в камеру, убеждая отречься - и на волю. Я сказал: «Дайте ордер на арест». Расписался и успокоился.

Вперед за Христом под крестом!

Второй срок — десять и пять.

И снова приняла меня темница,
Которую я знаю с юных лет
Я чувствовал, что это повторится
Еще когда с Христом вступил в завет.
Здесь так же все, как было в дни былые:
Решетки те же, двери на замках.
И так же тихо ходят часовые.
И тот же перезвон ключей в руках.
Я вновь по камере, хожу и сочиняю.
Стихи текут и —
Семь шагов моей дороги к раю.

Уже по ночам не вызывают. Дали расписаться о том, когда взяли и когда возвратился со следствия. Читаю Библию по памяти. Хожу и хожу. Вытер пол до бела. Где поворачивался, там углубления. Как хочется слышать человеческий голос, находясь в одиночке!

Здесь камни, железо, холодная сталь
Безмолвием мрачным сплетают оковы
Им боль — пустота, им рыдания не новы.
Унынье ползет, и тоска и печаль.
И голоса здесь не услышишь людского
Знакомого сердцу, душе дорогого.
Жена не придет здесь утешить меня
И нежною лаской тоску не развеет.
Любовь материнская здесь не согреет,
И скорби со мной не разделят друзья.
Один Ты со мной, в этой клетке пустой,
И этой дорогой борьбы и страданья
Пройду я с Тобою, Господь дорогой.

Следователь сказал: «Жена родила сына». Потом я узнал, как родила. Лежала сутки без сознания, а рядом ребенок. Слышит голос: «Я тебя воскрешаю». На семи шагах сочиняю песни и пою тихонько.

Утешь меня, в темнице я
Как Птица в клетке, одинокий,
Томлюсь сильней день от дня
Слабеют силы, бой жестокий
Утешь меня! Держи меня среди огня,

Готовятся мне смерти муки,
А я так слаб, моллю Тебя
Простри пронзенные мне руки
Держи меня! Спаси меня, ведь
Ты, любя Послал мне пытки и страданья.
Я этот крест любви не зря
Несу чрез тюрьмы и изгнанья.
Спаси меня!

Следователь спрашивает: «Как ты в камере встретил новый год?» Говорю ему: «слушай»:

Шумит, волнуется народ
Пиры готовляет Чтоб встретить гостя,
Новый год Друг друга приглашают.
Но с чем же встречу я тебя Грядущий,
Богом данный Когда в темницу до меня
Придешь, как гость желанный.
Постом, молитвой на устах
Наполненный скорбями.
И с чашей горечи в руках
Наполненной слезами.
Мне елки в сердце не нужны,
Христа я почитаю.
Здесь, за решеткою тюрьмы,
С Ним Новый год встречаю.

Задают вопросы: «Был пастырем церкви на Инте?» «Был». «Служил Господу? Крестил молодежь?» «Служил, крестил». «Рукополагал?» «Рукополагал по воле Божьей». Что ни спросят — все труд на ниве Господней. Служил Господу, против властей не воевал, и под статью не подхожу, ибо там даже слова «религия» нет. Когда дали последнее слово, сказал:

Судите судьи, вот закон
На дело разум открывает.
И где нарушен мною он
Пусть той статьёй и обвиняют.
Моя вина — люблю Христа
В Нем вечной жизни ожидаю
Его люблю и вам, спроста,
Того же счастья пожелаю.

Судьи улыбнулись и зачитали приговор: десять и пять лет ссылки. Дали бы высшую меру, так статья не позволяет.

Власти были очень озлоблены против семьи Голосинских из Русской Поляны Черкасской области. Мария — мать героиня, 12 детей. На суде они отказались давать показания. Мать и некоторых детей осудили сроком на полгода. Обвинили, что мы психически ненормальные. Я говорю: «В областной больнице 500 человек больных и все ваши, нашего нет ни одного».

После приговора дали свидание с женой в кабинете следователя. Пришла с пустыми руками. «А где сын?» «Похоронила».

Сын-первенец, любви нашей отрада
Начаток сил, как первый плод от стада
Как первый сноп распаханных степей
Созрел для жатвы в 75 дней.
Возврата нет, к чему печаль и слезы?
Одной рукой срываются все розы
Одной рукой срываются цветы
Сегодня он, а завтра я иль ты.
Любовь всегда печалится разлукой
Надежда с Верой в поле рвут цветы
Христос воскрес, в нас Дух Святой порукой
Что с Ним воспрянем Он и я, и ты.

Сын Петр похоронен на кладбище села Гриженцы Винницкой области, где я когда-то был прописан. Жена там была с больным сыном и там с друзьями похоронила его. Там стоит оградка с мраморной плитой, и я иногда там бываю.

И снова — земля бесплодная.

Окруженный конвоем автоматчиков с собаками, иду на вокзал, в тюрьму на колесах. Вижу вдали жену и друзей. Я им помахал на прощание. Поезд Черкассы-Москва.

Прощай, Украина, прощай край родимый Прощай, дорогая Господня семья. За правду святую, неверьем гонимый Я в дальние вновь уезжаю края. В скорбях и слезах, но с Надеждой и Верой Тропами изгнания пойду под крестом И вынесу все, что отмерено мерой, И вновь буду сеять на ниве с Христом.

И снова Москва-пересылка, Красная Пресня, как и в первый раз, забита заключенным народом. Поезд Москва-Воркута, тоже тюрьма на колесах, несколько суток тесноты и мук.

Вот она, снова Воркута, лагерь. Принимающий офицер говорит: «Теперь будешь здесь от звонка до звонка», увидев в деле, что я осужден второй раз. Лагерь политический — для врагов народа, правда номера в этот раз не навешивают. Долгим вечную мерзлоту для водоснабжения города. Пурга и морозы до - 55°C. Приехала жена на свидание. Хотела поселиться и работать в Воркуте вблизи меня. Я посоветовал спросить Господа, и был ответ: «Он долго там не будет». Нас было трое верующих в лагере. В уголке на нарах молились, беседовали. Это не долго длилось, всего три месяца. Собираемся на этап, говорят в южные края России. Погрузили нас в телячьи вагоны и через несколько суток мы оказались в Мордовии, в Темняновских лагерях.

По пути Москва-Рязань есть станция Потьяма. От нее тянется железнодорожная ветка вглубь тайги — справа и слева лагеря. Когда-то там был Темняновский монастырь. В лесах - места казни кулаков, местные жители говорят: «Мы в лес не ходим, там одни ямы».

Меня поместили в лагерь № Т. Захожу в барак и вижу всех моих братьев, которых судили прежде меня: Бидаша, Левчука и других — всего шестьдесят. Узнал, что это экспериментальный лагерь — собрали верующих со всех лагерей. Для чего? Для того, чтобы не проповедовали в лагерях, и здесь сконцентрировать атеистическую пропаганду. Надеялись, что

верующие разных конфессий будут жить в ссорах и спорах, самих себя компрометируя своим антагонизмом. Собрали в лагерь 600 верующих. Там были православные, признающие советскую власть антихристом, не работающие, не берущие никаких документов.

Были православные-юродивые Христа ради, они говорили: «Три года — ив Царство Христос примет, а в монастыре надо 20 лет». Князь Михаил, выдающий себя за Христа и его поклонник, его называли «министром вооруженных сил». Князь его научил креститься, как саблю рубить бесов со звуком. Его гнали из камеры, спать не давал; говорил: «Нас понимают только пятидесятники, ибо у них дух и у нас дух». Дух-то дух, только духи разные бывают. Князь Михаил тихоня, все о благодати говорит. На лбу шишка — мозоль, когда крестится вертит кожу на лбу. Были из Донбасса «две маслины», выдающие себя за пророков, одно время были вместе с князем Михаилом. Спрашиваю:

«Как вы туда попали?» «От него такие ароматы исходили», — отвечают. А тот «министр» его говорит: «Он меня на Воркуте исцелил». Были католики и грекокатолики, и их кардинал Слепый. Из нашей конфессии были здесь лжепророки и лжеделатели, которых мы отлучили, ибо на свободе не могли поймать, они быстро передвигались с места на место.

Много было так называемых «свидетелей Иеговы». Дух Святой о них так открыл: «Булава, на ней написано: философия, религия, политика. Бьют булавою, но по голове. Глушат брошюрами, журналом «Сторожевая башня», а потом дают читать Библию». Тут и иеговисты, которые признают только открытие Иоанна, а Библию жгут.

Но мы сказали всем: «Будем жить мирно. И не дадим властям злорадствовать». В общем, здесь был невод, захватывающий рыбу всякого рода. В бараках висели лозунги против истины, Христа и Бога, подавляющие истину ложью.

В клуб приезжали лекторы из Москвы. Поскольку они нам не давали слова сказать вопреки их лжи, мы перестали ходить. Приезжали отступники: Карносенко, Верховоломов, вели пропаганду против Бога, Христа и Духа Святого. Поскольку мы не шли в клуб, они транслировали по радио свои живые речи.

Собираться нам не давали. Я говорил им: «Прикуйте нас цепями к койкам, тогда уже не будем собираться». Мы пребывали в Слове и молитвах. Афанасий Бидаш и другие епископы мне сказали, что Господь им открыл, что когда я выйду на свободу, возглавлю труд в братстве. Брата Левчука увезли в Киев. Водили по магазинам, потом привели на берег Днепра. Посадили на одеяло и сказали: «Посиди, а мы искупаемся». Из кустов выбежала полунагая женщина, села возле Левчука, а они их сфотографировали. Прислали в лагерь, показывают фотографию:

«вот чем ваш епископ занимается».

Чтобы я не разоблачил их провокацию, меня еще до приезда этих подставленных людей отправили в лагерь на ст.Явасе. Это был лагерь строителей. Я был один верующий. Написал письмо жене, чтобы приехала на свидание. Она не имела денег на билет и дала родственнице текст телеграммы: «Не могу приехать». Ночью видит видение: «три девушки в белых платьях: Вера Надежда и Любовь поют песню. Припев жена записала ночью на книге «Домоводство». Рассказала содержание песни.

Голубица

По полям широким, по лесам далеким Пролетит голубка пищу собирать. Может ли оставить в клетке одиноким Голубя родного, узника, страдать.

Припев: Голубица ль голубку есть не понесет, Когда голубь в клетке томится и ждет.

В непогоду злую, в темное ненастье Полетит в неволю друга навестить, Бури не страшны ей, горькое участие Все его страданья хочет разделить.

Сядет у решетки, нежно заворкует. Любовь голубиная верности полна. Вера и Надежда силу ей дарует И за друга душу жертвует она.

Господь мне открыл: «Я ее приведу Сам». Когда она вошла в комнату для свиданий, говорю: «Будем благодарить Бога, что Он тебя привел». В этот лагерь она привезла на свидание мать. Жена приехала с новорожденною Светланой, в сопровождении своего брата Анатолия. Я работаю на швейной фабрике, шью спецовки. Ст. Явас — центр лагерей. Я на 11-м лагпункте. Тут я вновь встретил князя Михаила. КГБ прослышали, что князь Михаил готовится воссесть на престол. Повезли по месту жительства, в Казань. Там семь месяцев снимали кинофильм. Его снимали, а сами говорили. Фильм назвали «Восшествие князя Михаила на престол».

Вышел указ о режимах. Поскольку у меня второй срок по одной и той же статье — «рецидивист, подлежит тюремному заключению», то нас собрали в отдельный лагерь, пока не построят тюрьму. Там были Афанасий Бидаш и Михаил Гордиенко. Я работал сварщиком возле кузницы, а рядом Иван Федорович делал телеги. Он украинский националист, добрый и всеми почитаемый человек. Я ему стал проповедовать, потом сказал: «На тебе часть Евангелия, читай и молись. Скажи 1 осподу: «Если ты есть, то открой мне. Я буду служить Тебе». Неделю я к нему не подходил. Вижу ходит по вечерам под березами — молится. Однажды подходит ко мне и говорит: «Теперь если ты не будешь верующий, то я буду служить Господу». Ночью в сиянии славы слышит голос: «Слушай, что тебе говорит Виктор». Ему и еще одному заключенному я преподавал крещение в кочегарке, на крыше, в трехкубовом баке, откуда мылись заключенные. Вскоре Иван Федорович освободился. Его направили в Углев, откуда он уехал в Краснодарский край, станция Ленинградская. Там он был пресвитером церкви, мы

встречались у него в доме. Теперь он почил, а на его огороде стоит молитвенный дом.

Потом собрали нас, шестьдесят человек «рецидивистов» в лагерную тюрьму. В камере со мной были Бидаш, два ксендза, мельник и Леон — основатель лжеучения сионистов. У Афанасия Ивановича была сыпь на ногах, а ксендз был фельдшером, он давал ему мазь. На прогулке я ему говорю: «Афанасий Иванович, у нас должна быть вера больше, чем у фельдшера. Давай согласимся неделю молиться по слову: «о чем двое согласятся...» Начали молиться в понедельник, а в четверг Афанасий Иванович объявляет: «Больше мазать не буду. Сыпь исчезла». Однажды я сказал Афанасию Ивановичу, что стал раздражительным, а он был человеком кротчайшим. Он ответил: «Велик мир у любящих закон твой, и нет им преткновения» (Пс. 118, 145). Прихожу с работы, а Афанасий Иванович штопает мои носки. Говорю: «Отдохни». Отвечает: «О, если бы ты знал, какой это отдых». Когда я мог, брал его в зону на стройку. Тяжелая пытка — безделье в камере тюрьмы.

Тюрьма особого режима

Когда построили новую тюрьму, всех «рецидивистов» перевели туда. Двойные нары, узкий проход, пол цементный. Шестнадцать человек в камере, параша у дверей. Камера инвалидов, где койка Афанасия Ивановича напротив моей. Нельзя передать мук и страданий старцев, целыми днями лежащих на нарах, прогулка лишь утром и вечером. С Афанасием Ивановичем встречаемся только в воскресенье, на прогулке, а с Мишей Гордиенко мы иногда были вместе. Рядом с тюрьмой построили завод, филиал Московского завода им.Лихачева. Штамповали переднюю подвеску «Москвич 407». Я работал электриком, Миша слесарем. Ходили во вторую смену. В тюрьме четыреста заключенных, больше уголовников, которые взяли политическую статью, убягая от возмездия. После первой половины срока давали личное свидание на двое-трое суток, а через полгода общее — четыре часа.

Время этих свиданий было временем моей семейной жизни: жена родила двух дочек: Светлану и Людмилу. Вторую родила дома на коврике. а потом вызвала «скорую помощь». Убегала из больницы, не доверяя врачам, КГБ за ней следило. Друзья помогли и она привезла дочек на свидание. Люде было уже два года, когда я увидел ее в первый раз. Начальство говорит жене: «Пусть отрывается от веры и идет домой. Зачем он гниет в этой тюрьме?» Каждые полгода пишут характеристику для перевода на строгий режим. Все хорошие слова: «трудолюбивый, уважителен к начальству, уживчив с заключенными. Но... на путь исправления не встал». В камерах на политзанятиях читают, как тяжело коммунистам в тюрьмах западных стран. Афанасий Иванович спрашивает: «А чем мы могли бы им помочь?» Начальник отряда наедине

сказал ему: «Ты таких вопросов не задавай». Нам разрешили на три рубля купить в магазине зубной порошок и мыло. В камере каждому заключенному сделали полочку для мыла и порошка. Один уверовавший резчик по дереву переписал мне послания в книжечки в пол спичечной коробки. Я их хранил в коробках из-под зубного порошка. Обыски делали часто, но Господь хранил. Мои нары были внизу возле дверей, а за решеткой электрическая лампочка. Приходя с работы, писал псалмы, потом, на свидании, передавал на свободу. Они изданы книгой: «Домостроительство Церкви Христовой». Нашу тюрьму заключенные называли Бухенвальдом, где Гитлер уничтожал людей. Питание было скудное, кислый ржаной хлеб пожирал желудки, печени. Каша из ячменной сечки без масла — отвращала своим запахом и голодных. Кипятку было вдоволь, да сахару хватало на один-два дня, а это — месячная норма. Заболел и я колитом, и печень стала чувствоваться. Однажды стали у меня гореть кости в пояснице. Потом пошло вверх и вниз. Положили в стационар. Вижу бесы жгут меня паяльными лампами. Я им говорю: «Что вы ко мне имеете. Я вашего отца оставил?» «Восемнадцатого апреля мы тебя оставим». И, действительно, в это время я стал здоров. В этой голодной тюрьме Господь давал нам помощь. Была одна смена дежурных, которые, рискуя быть уволенными, разрешали ночью уносить в камеру продукты, которые нам приносили на свидания. Три свидания в году было у нас троих, и мы имели поддержку в питании. Миша Гордиенко был у нас диаконом по продуктам питания. Всякими уловками старались сохранить литературу — надзиратели обыскивали часто. Мы то пустотелую доску приставляли к столу, то такую же пустотелую стойку ставили под нары.

За решеткой кажется, что другой жизни нет, убивает чувство свободы. Матрас у меня — спал на нем семь лет — немного стружки, немного ваты, бока притерлись к нему. Жена передала мне подушечку-пуховую и на девятом году я догадался, что можно ее перемять, будет мягче.

В день 50-летия советской власти и нас вспомнили, разрешили купить по булке белого хлеба, пачке печенья и масла. Режим дня: утром на завтрак и на работу, вечером с работы — под замок. Самыми тяжелыми днями были советские праздники — из камеры не выпускают. Люди деградировали, каждый по своему тупел и только политические как-то еще держались. А это ведь тюрьма политических, врагов народа, контрреволюционеров, шпионов, антисоветчиков, к которым причислили и нас, верующих.

Освободился один человек, его звали Иван Иванович. Просидел он двадцать лет, работал по хозяйству. На коленях вышел, поклялся, что больше не попадет, потому что многие освободившиеся напиваются, дебоширят и — вновь на нары.

Пришел конец и моим десяти годам. Остались пять лет ссылки.

На ссылке

Исвободился Афанасий Иванович, поцеловались через решетку кормушки. Уехал домой. Вскоре освободился и Миша Гордиенко. Тоже уехал домой. Остался я один. Пишет Миша мне в письме: «Я уже ел творог с молоком». Я ему говорил, что любил эту пищу. Кончились и мои десять лет. Если бы постоянно думал, что трудно вынести десять лет, то, наверное, и не выдержал бы, а так вроде бы каждый год считаешь последним. И десять лет прошло. И так, везут меня на ссылку в далекую Сибирь. Через многие пересылки, среди толпы алкоголиков, которых вывозили, очищая Москву, Ленинград, Саратов, Киров, Свердловск, Омск, Новосибирск. Пятнадцать тысяч километров я наездил в вагон-эзке и прошел пятьдесят тюрем, одна темней другой.

Из Красноярска черным вороном, набитым скотом и солью, — крыша у самой головы, — мы едем вниз по Енисею в Енисейск. Пятьсот километров. Енисейская тюрьма была последней. Завтра — свобода. Какая уже ни есть, но не тюрьма. Ведут с моими документами к коменданту, уже без автомата. Немного расслабился, вроде оставил в тюрьме запас прочности — терпение в вере: ведь уже свобода. Но моему расслаблению нанесли удар — комендант мать хоронит, мне надо на одну ночь возвратиться в тюрьму. Это было тяжелое чувство. Я сказал: «Господи, я уже не могу». Вот что значит лишиться прочности, долготерпения.

Комендант определил меня в село Маковское, там царский острог, туда царь ссылал каторжников. Селу триста лет. Комендант говорит мне: «Там будешь в колхозе зайцев ловить. Купи билет на самолет

АН-2 (гроб летающий)».

Впервые за многие годы поел в кафе нормальную пищу. Была суббота. Завтра воскресенье. Молюсь: «Господи, может быть тут есть твой народ?» В тот же вечер нашел крещенных Духом Святым и в воскресенье был на собрании. Верующие проводили меня на самолет. Летим над тайгой, самолет проваливается и я вместе с ним. Полчаса лету, а долетел чуть живой. Приземлились на лыжах, кругом белым бело, глубокие снега и мороз - 42° С. Комендант мне на прощание сказал: «Там есть один ссыльный — верующий». Нашел его в центре села, когда он распрягал лошадь. Он меня принял, жил с дочкой и внучкой. Это был Прокофьев Алексей Федорович, третий, после Крючкова и Винса, лидер отделенных. Живу в этой семье. Очень ослабел я по плоти, закрою глаза и куда-то лечу. Потом узнал, что в селе открылся лесозаготовительный участок, значит не надо зайцев ловить. Устроился плотником. Дали мне лошадь Рыжуху, воду возить из проруби, и пилу «дружба» — пилить и колоть дрова. Приехала жена, детей оставила на родственников и друзей. Жили мы в домике одной гадалки, комната маленькая, мы ширмой отделились. В избе куры, собаки, печка железная. Напопишь - дышать нечем, не топишь — замерзнешь. На морозном свежем воздухе, в труде, мое здоровье укрепилось. Жена уехала, приехал ее брат Анатолий. По болотистой местности зимой бульдозеры пашут клин, делают дорогу для лесовозов. По этой дороге из Енисейска братья привезли пятьсот кирпичей и сложили печку с плитой. Старуха ворчит: «Что вы там делаете? Никогда за семьдесят лет не видала иного, как железка». Заготовили дровами, старухе понравилось. Тепло и не душно. Звали нашу хозяйку Акулину. Родилась в тайге и прожила тут всю жизнь. Колхоз деревню сжег, — далеко обслуживать. Братья Акулины купили ей этот домик на высоком берегу реки Кеть, притоке Оби. Есть у Акулины корова, лошадь и десяток собак и щенят. Говорит мечтательно:

«Если бы меня на старости лет приставили ухаживать за щенятами, Другого занятия мне и не надо». Свою пенсию тратила в основном на собак. Эти «пенсионеры» живут у нее под кроватью в избе. Приходят люди, она им гадала, призывая имя Господне. По своему верующая.

Просит меня отвезти ее в тайгу, где она жила. Там похоронена ее мать. Здесь, говорит, отравлюсь. От ее деревни осталась баня по черному, да будка для трактористов, которые тянут клин. Ехали трактористы с саями за углем. Я нанял людей, чтобы сопровождали Акулину, ей там сделали печку. Уехала со своими сибирскими котами, собаками, коровой и лошадью, сено захватила, уехала в тайгу километров за семьдесят от села Маковского. И жила там в тайге, в будке трактористов, по четырем углам собаки. Я убрал избу, побелил свой «дворец» и вызвал семью. Прилетели в Енисейск. Остановились у верующих, а до Маковского не могли добраться. Весна, снег тает и самолет не может сесть ни на лыжи, ни на колеса. Но вышли из положения:

прилетели на вертолете химиков, которые канифоль в тайге собирали. Я встретил их в порту на «такси» (на Рыжухе), привез жену и двух дочерей в свою таежную обитель.

Колодцев здесь нет, воду надо брать из реки, а берег — метров пятьдесят высотой. Вместе с женой ходили по воде, она до полгоры, а я до конца носил ведра с водой. Купили корову, сено косил на бесконечных таежных лугах, там обитают хищные медведи, да тучи гнуса, комаров и прочих кровососущих. Одеваться надо прямо-таки в броню, чтобы и щели никакой не было, а на лицо обязательно накомарник. Над кроватями натянули марлевые пологи и с фонариком осматривали, чтобы ни одного комарика не было. Тогда дети спали спокойно, а днем — дымок и мазь от комаров. На ночь детей мыли с содой, потому что они за день были покусаны комарами. Говорят, что от медведей надо костер жечь, а я ограждался молитвой. Косил тонны травы. Вместе с женой сушили, сено клали на сани, как здесь говорят «зарод» скирду, и зимой привозил трактором. С одним ссыльным «свидетелем Иеговы» купили у начальника порта деревянную лодку на девять мест. Весной смолдил днище, возил с собой черпачок выливать проникающую воду. Тайга богата всякими ягодами и грибами, на берегах реки белый песочек и тоже ягоды — смородина и черемуха. Всей семьей часто ездили в тайгу за ягодами: голубикой, черникой, малиной, брусникой, клюквой и за грибами. Приезжают верующие из Енисейска, и мы плывем на лодке в тайгу. Верующим издавала КГБ не разрешало посещать меня. Их агенты в деревне за мной следили, в

том числе и начальник порта тоже докладывал. Угрожали сослать меня еще дальше вглубь тайги, где небольшие деревни по берегам реки Кеть. Там жили потомки кулаков, которых по реке баржами возили на уничтожение.

Район Маковский по территории как Молдова, а жителей 1600 человек, большинство потомки ссыльных староверов. Живут своим хозяйством, у каждого пасака. Алкоголизм убивает людей лет в 40-50, а самолет АН-2 все водку возит. Лесорубов, химиков, местных остяков водка губит беспощадно, а лес для государства и канифоль дармовая. Для Слова Божия непробиваемая стена сердца, порабоженных грехом потомков староверов, но теперь они агейсты. Лесовозами, минуя аэропорт, приезжали и уезжали братья. Кого ловили здесь, вызывали по месту жительства. Сестры днем прятались в тайге, а ночью приходили. Алкоголики-атеисты возмущались на своих собраниях, что им присла врагов народа, антисоветчиков. Однажды сотрудники КГБ привезем учительницу, чтобы переубедить меня. Говорит: «Я родилась с Лениным на устах», а я ей отвечаю: «Меня мама родила со Христом на устах».

Через три года мне дали квартиру в поселке лесорубов — зал, комната и кухня. Теперь я работал на электростанции машинистом и электриком для поселка лесорубов и ремонтных мастерских в деревне. Зарплату платили по закону. Жена родила еще двух дочек: Любу и Надю. Роды были тяжелые, боялись, что умрет. Мы все вместе вопияли к Богу: «Не забирай нашу маму». Слава Богу, выжила.

Когда был прием в пионеры, дети убежали из школы, так их догнали и насильно повязали галстуки. На пятом году ссылки умерла моя мать. КГБ разрешило поехать на похороны. Даю телеграмму, лечу. Похороны отложили на сутки. Путь дальний: Енисейск - Красноярск, Красноярск - Москва, Москва - Черкассы. Пресвитер Николай Голо-синский поджидал меня на такси. Похоронную процессию встретил по дороге на кладбище. Остановились. Я приветствовал братьев, попрощался с матерью, потом пошли на кладбище. Десять дней побыл я с друзьями в Черкассах и Золотоноше. Было откровение: «После ссылки мне жить в Сибирском городе, который река разделяет пополам».

На свободе под надзором КГБ

Еще год прошел, и окончился срок моей ссылки. Пришло письмо от епископов, им Господь открыл, что мне жить в Новосибирске. Взял отпуск, приехал на Украину, побыл с братьями, служителями, епископами. Итак, Новосибирск, река Обь течет посредине города, как было прежде сказано. Вижу: «Река, плотина, на возвышенности завод. У плотины деревня — там тебе жить». Поехал я на то место, все как в видении. Деревня называется Огурцово. Вернулся в Маковское, еще год работал, и поехал искать дом в Огурцово, как Господь сказал:

«Дом без жильцов». Нашел его вблизи реки Обь. Братья сказали: «В Новосибирске тебя не пропишут». Конечно, по закону властей не пропишут, но я поехал по Божьей воле. Господь меня привел, когда все администраторы пошли в отпуск, и мне дали разрешение на покупку дома, без приема в райисполком. Оформил дом. Пошел прописываться-м. Капитан милиции, увидев в документах, что я дважды осужден, закричал: «Как ты мог купить!». Он швырял мои документы, кричал, а я молчал и молился. Потом вдруг утих и неожиданно сказал: «Ну, ладно, пропишем». Привез семью, устроился на работу по ремонту электрооборудования на экспериментальном заводе Академии наук Сибири. Господь сказал: «Паси агнецв моих». За домом следили завербованные соседи. Пять дней я работал, а в выходные летал или ездил на труд церквей Христовых: Алма-Ата, Караганда, Хабаровск, Новокузнецк, Томск и другие города.

В 1974 году мы поселились в Новосибирске. Прошло еще два года. В молитве Духом слышу: «Ты жди». Я жду, и эти слова повторяются. Спрашиваю: «Господи, как это понимать?» Ответ: «Тебе предстоит путь». Думал куда-нибудь в Якутию, на третий срок. Однажды в молитвенной группе было видение: «город, написано Кишинев, река, за рекой городок, там тебе жить».

Я с семьей живу в Молдавии

И тогда Господь поселил меня в Новосибирске, было сказано:

ВЛД «Потом будешь жить под яблонями и орехами». Позднее, когда в Молдавию приехала жена, вспомнила слова Господа и говорит:

«Действительно, это так». Взял я отпуск в мае месяце и поехал в Кишинев. По дороге заехал в Обухов под Киевом. Там было сказано Духом Святым: «Когда едешь, езжай как домой». Спрашиваю братьев служителей: «Какая река течет вблизи Кишинева?» — «Днестр». «А какой город за рекой?» — «Дубоссары». «Там мне жить», — говорю. С братьями поехал в Дубоссары искать дом. Нашел на улице Ткаченко, 54. Оттуда старики уезжали в Россию. Сторговались. Дали задаток. Хозяйка православная. Уехал я продавать дом в Новосибирске. Семью отправил в Кривой Рог к родственникам жены. Продавал дом с начала июня до 20 августа. Никто не покупает. Кишиневские служители сообщают:

старики хотят вернуть залог и продавать дом. Молимся. Видение:

«Дом в буре перепоясан. Ангел вытянул воду из колодца и голос:

«Напьется тот, кто вытянул», а на дороге шлагбаум. 20 августа пришла телеграмма: «Спасай дом». Положил телеграмму перед Господом. Получаю ответ: «завтра приедет машина «Жигули» с тремя мужчинами:

высокий, средний и малый. Малый купит у тебя дом. До конца месяца Я вывожу тебя в Кишинев». Завтра все так и было. До конца месяца оформил все дела, отправил контейнеры и 31 августа, во второй половине дня, я был в своем доме, в Дубоссарах. Рассказал старикам, как Господь испытывал мою веру. Мария подняла руки и говорит: «А мы думаем, какая это сила не дает нам продать дом?»

Пришли контейнеры, приехала моя семья. В огороде растет раскидистый орех. Это была осень 1976 года. Церковь здесь небольшая, тридцать человек (по учету КГБ). Господь поселил меня в этом тихом городе. Из Дубоссар автобусы во все стороны, из Кишинева самолеты. Устроился на работу, на швейную фабрику сантехником. Дубоссарское КГБ сразу взяло меня и мой дом под опеку. Завербовали соседей наблюдать, на работе тоже агентура. Жучки под пол бросили, в счетчик установили. Наверное, я один такой, а им работать надо. Восстали на работе — не участвую в соревновании. Говорю: «Я не кланюсь, а работаю по совети перед Богом». Через некоторое время, когда они убедились, что это так, я спрашиваю: «А при коммунизме будут соревнования?» Отвечают: «Нет». «Значит я работаю при коммунизме?» «Да, — говорят, это правда, если бы все так работали, то мы бы в золоте ходили». Часто вызывает уполномоченный в Кишинев на регистрацию. Спрашиваю: «Можно взять регистрацию, а закон ее не исполнять?» Говорит: «Нет». «Так зачем же нам узду на себя добровольно надевать?» Прислали ко мне Понурко, бывшего председателя союза, когда у нас был союз с баптистами. Убеждал меня, что не обязательно говорить языками, если крещенный Духом Святым. Это как говорил Тарас Бульба сыну: «Я тебя родив, я тебя и убью». Однажды нас, епископов, переписали по акту. Меня вызвали на комиссию в Дубоссары, человек двадцать сидят. Председатель говорит: «Пятьдесят рублей штраф». Я отвечаю: «Слава Богу! Я 25 лет отсидел в узах, а 50 рублей заплачу». Они все удивились, а я стал им свидетельствовать. И они отменили штраф.

Таллинское движение

Огонь служения Кэтрин Кульман, через Иерусалим, перекинулся в Финляндию, оттуда в Эстонию. Массы народа хлынули в церковь Оливисте, где проходили молитвы за исцеление. Мы обратились к Господу: «Как понимать это движение?» Был ответ: «Корабль с севера с огнем идет, наш корабль пришвартовался к нему» И голос: «Огонь принимайте, а человеческое — нет». Огонь во многих зажег веру. Служители Эстонии стали посещать наши церкви, но где огонь Божий, а где огонь человеческий, очень трудно было определить! За исцеление молились те, кому дано, но стали молиться и те, кому не дано. Радость от действий благодати Духа Святого сменялась унынием поражения, которое приходило от неопытности и человеческой дерзости. В епископате возникли разногласия, потому что было разное понимание:

что считать Божиим огнем, а что не Божиим. Одни говорили, что это огонь Божий, но надо отделить человеческое, другие заняли крайнюю позицию — нет, все это не от Бога. Хотя много чудесных действий. У пресвитера церкви города Знаменна Василия были травмированы ноги от химикатов, которые на тракторе распыляли по полям в колхозе. Работать он не мог, а инвалидность не дают — иди в регистрацию. Поехал в Таллинн с палочкой, а вернулся здоровым — и

до сего дня здоров.

Волна этого движения истощилась, а болезни остались, епископат разделился, а с ним и церкви. Стало два или три братства. Впоследствии снова объединились в одно братство.

Регистрация

В начале пятидесятникам запрещалась всякая регистрация, как патологически больным. Крещение Духом Святым считалось изуверством и запрещалось законом. В 60-х годах разрешили автономную регистрацию при условии отказа от «изуверских» обрядов и подчинению закону о культах. Одни служители шли в усы, отстаивая истину, другие попадали в сети регистрации. Регистрация запрещала:

1. Крещение Духом Святым со знаменем иных языков
2. Благотворительность
3. Воскресные школы
4. Молодежные собрания
5. Евангелизацию

Кроме закона о религиозных культах, основанием регистрации

еще была инструкция КГБ, где были особые предписания старшим пресвитерам:

1. До армии не крестить
2. Список крещаемых подавать для санкции КГБ
3. Проповедники должны быть санкционированы КГБ
4. Дети должны обязательно участвовать в советской общественной жизни, чтить советские праздники
5. Средние и высшие учебные заведения только для комсомольцев
6. Преподавание атеизма — обязательное!

Государственный тоталитарный атеизм насаждал насилие над совестью человека. Марксо-ленинский материализм учил, что Бога нет, что человек — бог, созданный по воле слепой эволюции из бездушной материи. Крючков и Винне опубликовали подпольную инструкцию КГБ, которая поработила руководство Евангельских Христиан Баптистов и они разделились — возник Союз церквей, который потерпел гонения и многие пошли в усы. Союз церквей подпольно издавал Евангелие и духовные песенники, которыми пользовались и мы. Христиане Веры Евангельской, помогая им в этом труде. Регистрация постигла Союз церквей и он разделился, некоторые не выдержали — пошли в регистрацию. Жесткое требование регистрации разделило братство церквей ХВЕ. Нерегистрированных стали сильнее прижимать:

«Ваши братья пошли в регистрацию, почему вы не идете?» Все места собраний были под надзором, собирались по ночам в лесах. Некоторые братья вновь пошли в усы. Издали указ о запрещении домашних собраний, но верующие все равно собирались. Стали налагать штрафы, административные наказания, народ Божий обнищал, платя штрафы. И победили — пришла перестройка.

Двери свободы открываются

Когда началась перестройка, усилилось влияние Запада, заговорили и у нас о правах человека. Постепенно красный дракон терял силу. Из-за гонений на верующих пятидесятников США перестали продавать Союзу пшеницу. КГБ стало сдавать позиции. Разрешили нерегистрированным строить палатки на своих огородах. Этой возможностью воспользовались наши церкви, и за 2-3 месяца было построено много палаток из легкого материала по всей стране. Началась евангелизация. Господь открыл двери спасения для отуманенного атеизмом народа. Постепенно разрешили арендовать клубы, кинотеатры и другие общественные помещения. Пала партия — «ум, честь и совесть», пал комсомол, пионерия, октябрята и только евангелизация стала моральным воспитанием людей. Запад сотнями тысяч поставлял Евангелие и Библию для распространения. Открылись для евангелизации двери тюрем, лагерей, воинских городков. В церквях организовались евангелизационные группы с пением и проповедью. Закон разрешил создавать миссии с правом евангелизации. Этим воспользовались многие церкви. И стало, как написано: «Церкви же во всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем, и, при утешении от Святого Духа, умножались» (Деян. 9:31).

В лагерях заключенные принимали водное крещение, Господь крестил Духом Святым, образовывались Церкви. Вся территория Союза была разделена на 38 регионов, церкви этих регионов управлялись Советом служителей. Это был мой труд и моя забота — организовывать региональные, республиканские, краевые, областные правления церквей. С падением СССР и возникновением СНГ настала необходимость организовать Республиканские Правления. В 1992 году в Москве были собраны все епископы церквей ХВЕ. Утвердили наименование ОЦХВЕ и меня начальствующим епископом ОЦХВЕ, а И.П.Федотова заместителем. Теперь я совершал труд по созданию Правлений ОЦХВЕ Республик: России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Киргизии, Узбекистана, Армении. Проводились республиканские конференции служителей, молодежные конференции.

Во дни железного занавеса западные братья старались привезти Евангелие, Библию для наших церквей разными способами. Держали с нами связь. Теперь впервые мы имели возможность участвовать в 16-й конференции пятидесятников в Осло в Норвегии, где нам подарили «открытую Библию» — подарок норвежских братьев русскому народу в количестве 7 тысяч экземпляров. Западные миссионеры надеялись сразу приобрести тысячи спасенных. Проводили широкие евангелизации во дворах, на стадионах: Билли Грем, Моррис Серулло. Ион Ги Чо проводил евангелизацию в Кремлевском дворце съездов. Я приветствовал собравшихся с кафедры, где говорили когда-то Хрущев, Горбачев. В самом логове атеизма звучала проповедь Евангелия. Притока спасенных эти шумные евангелизации не имели. Тысячи поднимали руки, но в церкви не шли. Мы поняли: дело спасения грешников в этой стране это дело поместных церквей. Так оно и было. Церкви умножались свидетельством самих верующих. Вместе с зерном Слова Божия с запада на ниву Господню хлынули плевелы и в наши церкви.

Бурную деятельность развернули всевозможные еретики:

«свидетели Иеговы», мормоны, кришнаиты, ложные харизматы.

Но особую угрозу для народа Божьего крещенного Духом Святым представляли так называемые «харизматы». Харизма — по-гречески значит дар. Но они использовали эти дары так, что к ним вполне можно было применить слова Иисуса: «Многие скажут Мне в тот день: «Господи, Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?» И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззакония» (Мф. 7:22-23).

Все это делалось под видом благодати, чудес ради чудес. Люди падали на землю, катались по полу, часами мог звучать так называемый «святой смех», пляски и крики. Все это напоминало ритуалы Ваа-ловых пророков. Люди дают разгул страстям и похотям. Это движение не имеет основания в Слове Божием. Все это движется в неизвестном направлении, все глубже погрязая в ереси и заблуждениях, как Христос сказал: «в беззаконии».

Алексей Ледяев из Риги, возведенный в апостолы, производит дикие оргии плотских ритуалов. Шумные круговороты плясок под неистовую музыку, валит насильно на пол мужчин и женщины, с диким рычанием давит кулаками в живот, называя это духовными родами и в конце люди, в изнеможении от плясок и криков садятся на пол и рыгают — очищаются. Явное беззаконие, туман оболъщения, далекое от истины лжеучение. Возврат к хлыстовщине, бытовавшей на Руси в 1860-х годах с подобными оргиями.

Церковь Бога и ХВЕ

На беду себе мы подружились с западными пятидесятниками Церкви Бога. Их руководство нас, гонимых, нашло в Москве. Их вероучение подобно нашему. Они пригласили нас на свою очередную конференцию. Приехал их президент. Пообещал в помощь. 29 миллионов долларов и предложил три варианта сотрудничества: объединиться в один союз, иметь сотрудничество и разойтись по своим местам. Мы нуждались в помощи. Для евангелизации нужны были музыкальные

инструменты, транспорт, литература. Мы выбрали сотрудничество, надеясь на их помощь. Церковь Бога всячески старалась подменить это сотрудничество амальгамацией — объединением с их церковью, или, как они настаивали, пожениться. Мы надеялись, что богатый Запад нам поспособствует в евангелизации бескорыстно, но Церковь Бога и ее руководство добивались всякими правдами и неправдами подчинить нас. Мы же хотели остаться сами по себе, церковью ХВЕ, вышедшею из огня, умудренною и укрепленною в вере для служения и проповеди Евангелия. Мы выступили против амальгамации, и, в конечном итоге, видя их неблагоприятные действия, разорвали с ними всякое сотрудничество.

Эмиграция

В лагере с нами был Андрей Горитой, брат Николая Горитого. Он утверждал, что имеет откровения ехать в Находку. Мы убеждали его, что это заблуждение. Когда он освободился, с ним поехали 22 пресвитера и больше тысячи человек из народа. Я был в Находке и все исследовал. Чего-то ожидали, собирались под водительством Николая Горитого куда-то ехать. Дисциплина строгая: сомнений не должно быть. Вылезали на сопки, высматривая подводные лодки, якобы за ними пришедшие. И наконец поехали — в тюрьмы и лагеря. Выйдя на свободу, Николай Горитой пошел в регистрацию. В это время началось движение диссидентов, возглавленное академиком Сахаровым. Диссиденты прослышали, что Николай Горитой когда-то поднял народ на эмиграцию и желал втянуть верующих в политическое движение, послали к нему диссидентку Воронину. Она авторитетно заявила, что теперь существует закон о свободе эмиграции в любую страну, на мировом уровне прав человека. Началось движение — заявления на эмиграцию, спешно, как евреи из Египта. Николай Горитой писал повсюду, ища помощи у папы Римского, отцов кардиналов, президента Америки, королевы Английской и кончилось это тюрьмой и лагерем в "ерми. Запад нажимал на советы за то, что нарушаются права человека, перестали продавать пшеницу. Диссиденты не умолкали, требуя "прав и свобод. Начали диссидентов высылать из страны, в том числе выслали Воронину. Советы очень хотели избавиться от пятидесятников, но не было закона, разрешающего эмиграцию. Раньше, за железным занавесом, они что хотели, то и делали. Планировали тех, кто не ведет в регистрацию, ссылая в Сибирь, лишая работы, пенсии, забирать детей. Но только Господь разрушил их планы, о которых с угрозой говорило нам КГБ. Дух Святой открывал, что Господь вступится. Было откровение: летит Ангел с чашею, написано: «чаша горечи народа моего». Повеление: «две трети не выливай». И мы перенесли только одну треть планировавшихся замыслов КГБ.

Чтобы облегчить свое положение перед натиском Запада и диссидентов и избавиться от ретивых пятидесятников, КГБ разрешило эмиграцию через Рим, по ложным израильским вызовам. И началось движение. Те, кто решил ехать, все имели откровения, повеления, считали, что избавятся от гнева, который Бог обращает на эту страну. Но это было бегство с потерей веры и упования на защиту Божьей руки. Поскольку у Бога свобода выбора. Он открыл пастырям: «не вмешивайтесь, а то попадете в искушение. Я поставил решето на веру народа». Было откровение: тень американского знамени упала на третью часть народа. И уехала третья часть пятидесятников. Несколько раз я был в США, чтобы помочь эмигрантам объединиться и иметь попечение епископского правления для устройства церквей, но они такие разные, из разных мест и церквей, не могут вместить друг друга. Дух Святой открыл, что эмиграция спасения не лишает, но награду надо приобретать вновь, на новом месте, сохраняя добрую совесть, веру, и вынести те обстоятельства, в которых окажется человек.

Рыбницкий Библейский колледж

ВГВ *ог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии ^Л^ между собою, по учению Христа Иисуса* (Рим. 15:5). *«Ибо я не упускал возвещать вам всю волю Божию»* (Деян. 20:27).

«Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей» (Деян. 11:26)

«И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2Тим. 2:2)

«Проповедуй это и учи» (1Тим. 4:11)

Эти места Писания говорят о необходимости преподавания учения для познания всей воли Божией, по учению Христа Иисуса. Вначале я это делал, преподавая основы вероучения ХВЕ на братских беседах, изучали книгу «Домостроительство церкви Христовой». Размножил карты «Альфа и Омега». Церкви умножались быстро. Надо было учить вновь уверовавших, готовить евангелистов на труд учителей воскресных школ, регентов для церковных хоров. Александр Панчин^ организовал в Рыбнице миссию милосердия и благотворительности «Свет» и стал ее начальствующим. Пригласил меня изучить возможность построить здание Библейского колледжа на базе выкупленного недостроенного клуба. Мы спросили Господа, получили благословение и начали строить. Нам помогли американцы и мы построили здание. 23 мая 1993 года открыли первый учебный год. В основу преподавания мы положили вероучение ХВЕ от времен рождения церкви при

Воронаеве и Колтовиче.

Николай Котьяков преподавал тематическое богословие, я вероучение ХВЕ и экзегетику. Преподавали основные, необходимые для познания истины, страницы Библии, — писания пророков и откровение Иоанна. Уже при первом наборе мы смогли отобрать наиболее способных к преподаванию, и стали преподавать гомилетику (умение преподавать). Были у нас предметы: Библия в географии, история христианства.

Материально нас обеспечивала миссия «Стефан», состоявшая из наших братьев, переселившихся в Германию. Для нужд колледжа построили ферму для скота, овощехранилище, нефтебазу, студенческое общежитие на 90 мест, ремонтные мастерские, склады для гуманитарной помощи. За 4 года в Библейском колледже было обучено:

Евангелистов — 591

Регентов — 137

Учителей воскресных школ — 117

Переводчиков для глухонемых — 22

Преподавателей Библейских школ — 38

Руководителей молодежи — 44

Молодых проповедников — 34

Повышение тематического образования пастырей прошло --- 242 человека.

Различных конференций было проведено — 429

Семинары для многодетных матерей — 42

Семинары для девиц в годах — 23.

Мы не имели своей столовой, ее приходилось арендовать, и у нас не для всех хватало мест в общежитии. Мы решили строить рядом со зданием Колледжа, прямо впритык, трехэтажное здание со столовой и общежитием на 120 мест. Господь дал нам благословение, мы вырыли котлован и стали укреплять фундамент старого здания. Денег у нас не было, а на это строительство нужно было примерно 70 тысяч долларов. Но мы в основание положили веру и упование на Господа, имея безмятежный мир в сердцах. ,

В это время к нам приехали американцы. Один из них был бизнесмен, спонсор теологического института. Когда я был в Америке, я посетил его институт. Приехав сюда, они ездили по учебным заведениям, и нас тоже посетили. Увидев нашу работу и заботу, они удивились. Говорят: «Такого мы не видели». Потом спрашивают: «Сколько у вас есть денег?» Отвечаю: «У нас в сейфе только вера». Брат Витнер говорит: «У меня умерла жена и оставила завещание, чтобы в лучшее место для Господа я отдал 25 тысяч долларов; я их отдаю вам». Директор института брат Найп дал 10 тысяч долларов. На эти деньги мы купили блоки и «вышли из земли», если можно так выразиться. Здание стало расти. Так молясь и уповая на Господа мы

получили необходимые суммы из самых разных источников, в том числе из церкви ОЦХВЕ.

Братья из США, братья из Германии вложили свою лепту. Миссия «Стефан» много содействует в постройке Библейского комплекса, поставляя продукты, одежду, оборудование и мебель. Когда пишутся эти строки, идет внутренняя отделка помещения. Надеемся осенью открыть учебный год в новом здании. Учатся у нас студенты из церкви всех республик бывшего Союза, а также из Германии.

«...приду к видениям и откровениям Господним» (2Кор. 12:1)

В детстве

Шасу стадо, на облаке опускается Христос, и, как странник, с посохом подходит ко мне и говорит: «Пойдем к вам домой». Пришли, встали напротив избы и Он говорит: «Этот дом мы разрушим, а в небесах построим новый».

Когда немцы оккупировали Украину, я увидел на западе, на небе было написано большими черными цифрами 1942-1943. Это были годы, когда немцы были на Украине. А после поражения немцев под Сталинградом, я видел на небе, как на экране: «Немец бежит на Запад, а русский солдат с мечом гонится за ним».

В Киевской тюрьме

Мать сидит на стуле, на коленях полотенце и слезами вышивает:

«Мать пред Ним в мольбах».

Иду по городу Капернауму, туда, где живет Христос. По пути вижу строящийся кирпичный дом, весь в лесах. Строят его два каменщика в фартуках, с мастерками. Я прошел мимо этого дома и там, чуть ниже живет Христос. Продолговатый дом, посредине рядом две двери, без крылечка. Подхожу. Один каменщик кричит мне вслед: «Его нет дома!» Другой говорит: «Он до этого Христа идет».

Стучу, открываю дверь, навстречу встает Мария, круглолицая, смуглая, в черном платье. Подала мне табуретку, сама села на диван. Я спрашиваю: «Откуда ты меня знаешь, Мария?». Она отвечает: «А я видела тебя на Голгофе!»

Палачи мучают меня, потом говорят: «Вот ты пять пыток прошел — отрекайся, еще пять и ты умрешь». Поднимаю глаза к небу и вижу видение: строится мост, пять столбов поставил, еще пять поставишь и будет мост, а если отречешься, будут люди смеяться, начал строить и не кончил. Вижу небесный дом наград — большие и меньшие светильники свисают с потолка. Бежит человек (мне известный) и голос говорит:

«Бежит и думает, что будет сиять, как солнце». Я отвечаю: «Включи самый малый светильник». Голос говорит: «Многие бежали и думали, что будут сиять, как солнце. Кто исполнит волю Божию, тот будет сиять, как солнце». Стоит стол, за столом — Христос, а я — по другую сторону стола. На столе географическая карта Европы от Уральских гор. Христос спрашивает: «Какая это карта?» Отвечаю: «Современная карта Европы». Он говорит: «Вот так есть, а так будет». Все столицы обозначены круглыми шариками. Собрал их от Уральских гор, поставил в центре Европы пирамиду и сказал: «Коалиция: это объединение государств для одной какой-то цели». Это откровение было во времена разделения Европы на Запад и Восток. Мир и безопасность — цель, которая сегодня объединяет Европу.

Христос грядет!

«Ибо когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фее. 5:3).

Гимн Церкви Христовой

тобой, град Голгофы, Сион благодатный, | С Невестой Христовой я в Церкви стою. Народ твой в юродстве, унижен, незнатный — Ему утешенье на арфе спою.

Ты храм всех народов, Дом Бога живого, Иаков возлил на тебя свой елей, Врата твои видя до Града Святого,

По следам Христовым

На жезл поклонился в конце своих дней.

Ты Духом водимая, знамя свободы Несешь чрез века, возвещая любовь... Да знают Христа племена и народы. Он Бог ваш! Спаситель! Зовет вновь и вновь.

Ты светишься солнцем, блистаешь зарею, Светилом сияешь планете Земля И всем, омраченным греховною тьмою, Тропу освещаешь сиянием дня.

Сокрытой на поле жемчужиной славы, Тебя приобрел на Голгофе Христос. Плененную узами смертной державы, Невестой славы на небо вознес.

Хитон твой — одежда, омытая Кровью — В крещении Духом ей святость дана. И Новым Заветом, Голгофской Любовью В виссоне Невесты предстала она.

Ты — плод горьких мук Гефсиманского сада И ран, бичеваний, мучений Христа. Ты — плод унижений до смерти и ада, В Христа Воскресеньи — как небо чиста.

Ты — колос Голгофы! Зерно, умирая, Взрастило тебя благодатью святой, Чтоб быть тебе в житницах Божьего рая, Как жатва созреет под серп неземной.

Идешь ты пустыней, где зной и невзгоды, И Ирод, и Нерон встречались в пути, Но веру живую чрез многие годы До этих, последних, смогла донести.

Сносила ты камни, кресты и сожжение — С Стефаном молилась, прощая, любя, И многих родила в скорбях, унижениях На жертву, за жертву, роняя себя.

И в веке двадцатом верна Слову Жизни, Всю волю Христа ты вместила Одна, Хоть много подруг здесь в пути до Отчизны, Срежь них Тебе слава Невесты дана.

Ты терпишь, как Анна, как Иов, страдаешь,

Воспоминания

С надеждой на Бога молитва твоя, И пращью веры ты льва побеждаешь, Скалой невредимой стоишь среди огня.

Ты — добрая, нежная, руки святые Ко всем простираешь, навстречу нужде, И все тебе ближние, в горе родные... Ты милость окажешь всегда и везде.

Виновная — каешься, просишь прощенья, В обиде? Вину покрываешь, любя... Ведь Бог твой простил тебе все согрешенья, И в жертву за грех твой Он отдал Себя.

Ты немощных, слабых приносишь в молитве, Заблудших выводил со скользких путей, Всегда ты на страже и часто в злой битве, Овец защищаешь от вражских сетей.

Ты мирная, скромная, с честью священной, Ты — соль всей земли, в тебе чисты уста, Ты кроткая духом, в одежде нетленной. И мудра как змей, и как голубь проста.

Дафан, Авирон и Кореево племя

Твой стан побуждают на ропот и гнев —

То сеется злое среди доброго семя:

Не спит и не дремлет рыкающий лев.

Еще один год ты прошла по пустыне, И в новом желаньи от Бога всех благ, Будь верная в Боге, спасенная в Сыне, Одежды храни, чтобы не был кто наг.

Грядущий стоит где-то там, у порога, Израиль восстанет Мессию принять, & неверья распял он Спасителя Бога, Чтоб верую, в муках, прощенье взыскать,

Венец твой. Невеста, не тернием свитый — Христова ты слава, священство Царей, Твой — избранный род, род святой, именитый Стоит у порога Небесных дверей.

